

18+

НАДЕЖДА РЯПолоВА

СВОБОДА НАЧИНАЕТСЯ ТАМ,
ГДЕ СЕРДЦЕ ОТКАЗЫВАЕТСЯ
ЖИТЬ В КЛЕТКЕ...

ОТРЕЧЬСЯ,
ЧТОБЫ
ВЕРНУТЬСЯ

МИРЫ РАЗДЕЛЯЕТ ГРАНИЦА.
СОЕДИНЯЕТ ИХ ВЫБОР.
ВЕДЁТ ИХ СУДЬБА.

Надежда Ряполова

Отречься, чтобы вернуться

«Издательские решения»

Ряполова Н.

Отречься, чтобы вернуться / Н. Ряполова — «Издательские решения»,

Алания и Сэм родились в Энкаре — мире, где ценят не душу, а соответствие жестоким стандартам. Побег через Границу приводит их в Люмирию, где непохожесть считается даром, а свобода начинается с права выбирать. Здесь Алания встречает Таймураза — Создателя Мира, рядом с которым впервые может перестать защищаться. Но, довериться любви оказывается страшнее, чем бежать от прошлого. Сумеет ли она остаться там, где обрела дом, или снова выберет путь, способный отнять у неё всё?

© Ряполова Н.

© Издательские решения

Содержание

Отречься, чтобы вернуться	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	42
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Отречься, чтобы вернуться

Надежда Ряполова

Дизайнер обложки Надежда Ряполова

© Надежда Ряполова, 2026

© Надежда Ряполова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-2055-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отречься, чтобы вернуться

Аннотация

Миров бесчисленное множество. Но Алания и Сэм родились в том, где ценят не дух, а оболочку. Не соответствуя установленным стандартам, они стали изгоями, лишёнными права считаться людьми.

Их побег — отчаянная попытка пересечь Границу и попасть в иной Мир, где непохожесть не наказывается, а становится даром.

Там Алания встречает человека, рядом с которым впервые может перестать защищаться. Но, довериться Создателю нового Мира оказывается страшнее, чем бежать от прежнего.

За Границей действуют свои законы, а свобода требует выбора. Сможет ли Алания остаться там, где наконец обрела дом? Или снова выберет путь, который может отнять у неё всё — даже того, кто стал ей дороже всего?

От автора: порой человек уходит очень далеко в поисках свободы, а потом обнаруживает, что труднее всего освободиться от того, что он продолжает носить внутри себя. Не раз я сама проживала подобное, и потому мне очень знакомы все ощущения главной героини — Алании. Всё, что я проживала в жизни, пока писала данную книгу, ощутила на себе. Очень хочется, чтобы вы сразу не бросались осуждать главную героиню за её неоднозначный характер и поведение — попробуйте прочувствовать, проникнуться всем происходящим во всей книге, истории.

Эта история о девушке, которая умела выживать, бороться, спасать других и идти вперёд, даже когда сил почти не оставалось. Но ей ещё только предстояло научиться доверять, принимать любовь и оставаться рядом с теми, кто стал ей дорог. Не исчезать первой. Не возвращаться туда, где боль привычнее счастья. Не принимать постоянную готовность к борьбе за настоящую силу.

«Отречься, чтобы вернуться» — история о свободе, выборе и границах, которые могут не только разделять миры, но и защищать право каждого человека распоряжаться собственной жизнью. О доме, который невозможно обрести, пока не позволишь себе поверить, что тебя действительно могут ждать. И о возвращении к себе — настоящей, живой, несовершенной и достойной любви.

Возможно, в Алании вы узнаете какую-то часть себя. Ту, которая слишком долго справлялась одна. Ту, которая привыкла ждать опасности даже там, где ей протягивают руку. Или ту, которая однажды всё-таки решилась остановиться, оглянуться и выбрать другую жизнь.

Спасибо, что открыли эту книгу и вошли в мир Люмирии.

Надежда Ряполова

Глава 1

Свобода не даётся просто так — её нужно завоевать.

Свобода начинается там, где сердце отказывается жить в клетке.

Энкара была Миром строгих линий и жестких правил. Здесь всё подчинялось порядку, внешности и статусу. Людей делили на категории так же спокойно, как распределяли вещи по полкам: пригоден, непригоден, ценен, бесполезен, достоин быть на виду или обязан исчезнуть в тень. Каждый день для несовершенных был похож на экзамен, который невозможно сдать. Им приходилось идти по улицам так, чтобы не привлечь лишнего взгляда, прятать лицо, тело, чувства, даже дыхание, будто сама жизнь в них была ошибкой.

Дома в этом Мире стояли высокие, ровные, холодные. Их окна смотрели на улицы, как глаза Смотрителей, и свет падал почти одинаково в каждый угол, не оставляя ни настоящей тени, ни возможности укрыться. Город никогда не спал. Хотя иногда Алания думала, что здесь вообще никто по-настоящему не спит. Люди просто закрывают глаза, чтобы не видеть, как сильно их жизнь похожа на клетку.

Она чувствовала тяжесть этого порядка почти физически. Будто сама Энкара давила ей на грудь и каждый день напоминала: чтобы выжить, нужно стать другой. Идеальной. Удобной. Подходящей. Или исчезнуть.

— Давайте, давайте, шевелитесь быстрее! Нас могут заметить. Бежим! Все! Не отставать! За этот дом, живо!

Алания оглянулась через плечо, быстро пересчитала людей и почувствовала, как внутри сжалось от ответственности. Они пошли за ней. Поверили ей. Уцепились за её безумную надежду, будто за последнюю верёвку над пропастью. И теперь каждый их вдох, каждый шаг, каждый испуганный взгляд ложился на неё тяжелее любого груза.

Этот Мир был слишком жесток для таких, как она. Для таких, как все эти люди, которые сейчас бежали за ней по узким улицам, стараясь не шуметь, не падать, не вскрикнуть от страха. Алания больше не могла оставаться там, где правят несправедливость и холодная жестокость, где человека оценивают не по душе, не по силе, не по уму, а по тому, насколько он подходит под чьи-то выдуманные стандарты.

Там, куда она мечтала попасть, всё должно было быть иначе. Так им рассказывали. В Другом Мире люди жили спокойно, без постоянного страха. Могли создавать семьи, любить, быть принятыми не только обществом, но и теми, кого называли родными. Не так, как в семье Алании, где её будто бы любили, но на самом деле только делали вид, потому что так было положено.

Про Другой Мир ходили слухи. Красивые, опасные, почти невозможные. Никто точно не знал, существует ли он на самом деле. Все, кто пытался сбежать, либо исчезали навсегда, либо их возвращали мёртвыми. Иногда люди шептались, что беглецы всё-таки добирались. Иногда говорили, что никакой Другой Стороны нет, а есть только смерть, лес и Смотрители. Но Алания больше не могла жить на коленях из-за чужих страхов. Ей оставалось только надеяться, что её смелость не окажется ошибкой, за которую заплатят жизнями все, кто пошёл за ней.

Сколько себя помнит, она никогда не принимала мир таким, каким его велели принимать. Её не устраивали слова «такова жизнь» и «так устроен мир». Каждый день, проходя мимо людей с идеально выстроенными лицами и выученными улыбками, Алания чувствовала, как в груди вспыхивает огонь. Она могла молчать, могла делать вид, что подчинилась, но внутри давно решила: никому не позволит окончательно забрать её жизнь и назвать это порядком. Когда терпеть стало невозможно, она выбрала побег.

— Сэм, у нас двенадцать человек и одна старая хижина. Надо уложить их так, чтобы к утру они вообще смогли идти. Нас могли заметить, поэтому будем дежурить по очереди. Сначала спишь ты, потом я.

— Алань, давай половину положим вот сюда. Видишь, там ещё солома осталась, из неё хоть какое-то лежбище выйдет. Остальные рядом, бок о бок. Так не замёрзнут.

— Хорошо.

Алания скользнула взглядом по измождённым лицам. Люди стояли в полумраке, растерянные, голодные, почти пустые от усталости. Кто-то дрожал, кто-то молча прижимал к себе узел с вещами, будто в нём была не пара тряпок, а последняя связь с прежней жизнью. У некоторых уже не было сил даже бояться открыто. Страх просто застыл в глазах.

Она чувствовала чужую усталость, боль и тревогу так остро, словно могла принимать их на себя. Иногда ей казалось, что её кожа слишком тонкая для этого мира. Что она не просто видит людей, а пропускает через себя их отчаяние, их надежду, их немой вопрос: «А если ты ошиблась?»

Сэм тем временем тихо подбадривал остальных. Его голос был мягким, но уверенным, как будто он не просто говорил, а держал людей за плечи одним своим присутствием. Даже здесь, среди страха, холода и голода, их дружба оставалась островом тепла. Сэм был для неё и защитником, и соратником, и тем единственным человеком, который понимал её странность, её упрямство, её нежелание подчиняться ненастоящей реальности Энкары.

Пока они разместили всех, сами уже едва держались на ногах. Алания чувствовала, как ломит спину, как гудят мышцы, как тяжело поднимается грудь после долгого бега. Но внутри всё равно теплилось что-то упрямое. Их скоро здесь не будет. Ещё немного, ещё один рывок, ещё один день — и они окажутся далеко от этого мерзкого Мира.

Алания родилась у своих родителей совсем странной. Странной во всём: от внешности до нрава. Словно и не их дочь вовсе. Родители были статные, правильные, будто специально созданные для Энкары, где стандарт внешности значил больше, чем ум, знания, способности и душа. Именно по внешности человека определяли на ту или иную должность. Никого не интересовало, что ты умеешь, что чувствуешь, как мыслишь. Важно было только одно: насколько ты подходишь под стандарт, чтобы предприятию, хозяину или семье не было за тебя стыдно.

«Чёрт бы побрал этого Хозяина», — выругалась про себя Алания, вспомнив, как с ней обращались в том притоне из-за её смуглой кожи, больших карих глаз и тёмно-каштановых волос.

Она не подходила ни на одну должность, где можно было хотя бы подавать гостям угощения и напитки. Не говоря уже о том, чтобы стать смотрительницей заведения. Её участь в этом мире была куда грязнее: ублажать тех, кто хотел поразвлечься с такими «дикувинными» девицами, как она. Слишком заметными. Слишком неправильными. Слишком живыми.

Красиво очерченные губы, тёмно-карие глаза, которые при обводке становились почти кошачьими, густые тёмно-каштановые волосы с медным отливом на солнце. Алания была гибкой, сухощавой и жилистой, выточенной постоянной борьбой за выживание. В Энкаре её красота не была даром. Она становилась приманкой и поводом смотреть на неё так, будто она принадлежала не себе, а чужому желанию. Поэтому волосы она обычно заплетала в простую косу или стягивала верёвкой, лишь бы не мешали и не привлекали ещё больше внимания. Не помогало. Алания всё равно была заметной.

Слишком.

Даже собственные родители её стыдились. Она видела это по их лицам, как бы они ни старались делать вид, что рады, когда она приходила домой. Их статус и выученная приличность не позволяли им кривиться от брезгливости открыто. Но Алания чувствовала. Она всегда чувствовала таких людей насквозь: их фальшь, лицемерие, корысть, холод под тонким слоем

вежливости. Может, именно этим Распределитель на небесах и наградил её при рождении, когда раздавал таланты.

Наверное, он дал ей эту способность чувствовать, чтобы она не верила гнусным уговорам о том, какая она особенная красавица, как будто эти слова могли прикрыть грязь чужих намерений. В свои двадцать четыре года Алания слишком хорошо знала, что такое ложь. Она знала её запах. Знала её сладкий голос. Знала, как она прячется за комплиментами, улыбками и якобы добрыми словами.

В новом мире такого не будет. Она верила в это почти отчаянно. Там она наконец сможет вдохнуть свободно. Там ей больше не придётся стыдиться себя, своего лица, тела, глаз, голоса, своих чувств. Там никто не будет решать, имеет ли она право быть живой.

Она знала, что внутри неё есть свет, который никто не может затушить. И пока вокруг царили холодная оценка, фальшивые улыбки и лицемерие, Алания чувствовала себя чужой. Но это чувство чуждости не сломило её. Наоборот, оно сделало её наблюдательнее, острее, сильнее. Мир Энкары пытался диктовать ей, кем быть, но её сердце уже давно смотрело в другую сторону — туда, где внешность не определяет ценность, где можно быть собой, не пряча ни чёрты, ни эмоции.

По слухам, в мире Другой Стороны жили совершенно разные люди. Настолько разные, что никто не обращал внимания на эту разность. И ещё больше её удивляло то, что они спокойно общались друг с другом, работали рядом, создавали семьи, жили вместе, будто различие не было позором или приговором.

«Надо же, — подумала Алания, устало прислонившись к стене хижины. — Скоро я буду там. Сама увижу этот диковинный мир».

Мысли унесли её так далеко, что она не услышала шороха за спиной.

— Ты паршивый поганец! Что ты тут делаешь?!

От неожиданности Алания подскочила на ноги, резко развернулась и едва не врезала кулаком в красивую челюсть своего друга, который подкрался к ней почти бесшумно и напугал, как испуганного зверька.

Сэм не выдержал и расхохотался, впервые за долгое время увидев её такой растерянной.

— Ты бы видела своё лицо, Алань.

— Ещё слово, и ты его больше не увидишь, — процедила она, хотя злость уже начала трескаться от его смеха.

Сэм был тот ещё весельчак. Для Алании он давно стал младшим братом, которого у неё никогда не было. Да и родителей он ей заменил своим непоколебимым присутствием. Он был рядом в минуты её падений, когда она рвалась изнутри от боли, и в моменты радости, когда она смеялась до слёз. Он словно умел угадывать её состояние ещё до того, как она произносила хоть слово.

Сам Сэм тоже родился «странным», хотя Алания никогда не видела в его внешности ничего неправильного. Боги, Создатели или кто там наверху распоряжался чужими судьбами, могли считать иначе, но для неё он был цельным, живым и настоящим. Она любила Сэма как родного брата, иногда до боли в сердце, когда переживала за него, до готовности встать за него стеной. Он был её лучом в тёмном царстве, её якорем, её светлым безумцем. И если честно, за него Алания могла побить любого. Хотя, по иронии судьбы, чаще всё оборачивалось наоборот — именно Сэм вытаскивал её из передраг.

Говорят, в мире Другой Стороны за такими, как Сэм, девчонки бегают толпами. Но он не был похож на стандартных «пыжиков», как они с Аланией называли вылизанных парней с одинаковыми улыбками. В нём было что-то дикое, неукротимое. Мускулистое тело, словно созданное для движения и силы, но при этом живое и лёгкое, как у хищника. Волосы ни светлые, ни тёмные, что-то между русым и шатеном, в лучах солнца иногда переливались янтарём

и медью. Глаза серо-голубые, как небо перед бурей, но порой в них вспыхивала такая глубокая синева, что от неё перехватывало дыхание.

Он был высок для своих лет, но дело даже не в росте. Рядом с ним чувствовалась мощь, будто он был чуть-чуть больше этого мира. И ещё ум — острый, как клинок. Иногда рядом с ним даже взрослые выглядели наивными и неуклюжими, хотя официальное образование получали они, а не «нестандартные» вроде Сэма.

— Сколько сейчас времени? И почему ты не спишь? — спросила Алания, всё ещё хмурясь, хотя внутри уже с трудом удерживала улыбку.

— Так я поспал уже. Теперь твоя очередь.

— Серьёзно? — она нахмурилась ещё сильнее и только теперь поняла, что три часа пролетели за мыслями, будто их и не было. — Ладно. Тогда я пойду посплю немного. Но дай слово, что сразу меня разбудишь, если что-то услышишь. Сразу, Сэм. Не геройствуй.

— Ладно, ладно, сестричка. Иди уже, пока не свалилась прямо здесь.

Он поднял руки, будто сдавался, но в глазах его всё равно прыгали смешинки.

Алания побрела в хижину с распирающим ощущением счастья в груди. Странного, почти детского счастья, которое в этом мире казалось чем-то неприличным. Наверное, это было всё, чего она хотела за столь долгое время: знать, что скоро они окажутся далеко от Энкары, и рядом с ней будет единственный по-настоящему близкий человек — Сэм. А значит, всё у них будет хорошо. Отныне и навсегда.

Хорошо.

Знала бы она, чем обернётся то желанное спокойствие, к которому они бегут. Знала бы, сколько всего ей ещё придётся пройти прежде, чем она по-настоящему сможет выдохнуть.

Алания опустила на пол, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. Усталость сжимала каждую мышцу, но внутри по-прежнему горел её собственный свет. Там не было стандартов, приказов и оценивающих взглядов. Там были цвета, мягкие линии, тёплый воздух и ощущение свободы, которое Энкара так и не смогла у неё отнять. Может быть, именно это и спасало её все годы: знание, что за пределами чужих правил она всё ещё остаётся собой.

Алания заснула почти сразу, как только её голова коснулась жёсткого пола. И неважно, что было холодно и неудобно. Главное — завтра их уже не будет в этом мире.

«Наверное, в новом мире я всегда буду так спать. Спокойно. Расслабленно. Без страха», — подумала она и провалилась в сон так глубоко, как не спала уже очень давно.

— Эй, Алань. Просыпайся давай. Солнце скоро вставать будет.

Она открыла глаза резко, будто её толкнули в грудь. Несколько мгновений не могла понять, где находится, а потом всё вспомнила сразу: хижина, люди, побег, Сэм.

— Ты почему меня не разбудил, чтобы я тебя сменила?! — она вскочила так быстро, что чуть не задела его плечом. Злость поднялась мгновенно. — Ты вообще спал нормально? Нам идти весь день!

— Да успокойся ты. Сейчас не до этого. И зря не трать время на свои причитания.

— Я тебе устрою, стоит только нам добраться туда.

Сэм уже не обращал внимания на её слова. Он принялся будить остальных, тихо, но настойчиво. Надо было уходить, пока на их след не напали надсмотрщики. Он был уверен, что за ними уже послали людей, а если их поймают, теперь никому не будет пощады. Приговорят всех. Даже разбираться не станут. Это был не первый их побег. Точнее, не первая попытка побега.

Жители хижины сидели в полумраке, затаив дыхание. Каждый шорох, каждый звук за стенами казался сигналом надсмотрщиков. Их глаза блестели от страха, плечи дрожали, лица были сонными и измученными. Алания чувствовала это так, словно чужие тревоги стекали по её коже и смешивались с собственным сердцебиением.

В Энкаре любое неповиновение каралось быстро и жестоко. Даже мысль о побеге уже была преступлением. А они не просто подумали. Они сделали. Они вышли за пределы дозволенного и теперь шли туда, куда таким, как они, ходить не позволялось.

Алания знала: если хоть один из них сдастся страху, вся группа погибнет. И именно это давало ей решимость вести их дальше. Несмотря на ужас. Несмотря на усталость. Несмотря на предрассветную тьму, которая, казалось, сама шептала ей: «Ты не сможешь».

Снаружи мир казался мёртвым. Хижина стояла одиноко среди полей, и только слабый ветер шуршал листвой, будто проверяя их укрытие на прочность. На востоке тёмное небо начало сереть, и первые линии рассвета осторожно очерчивали землю. Тени домов вытягивались, словно оживали, и ползли за ними. Каждый звук становился слишком громким. Каждое движение — опасным.

Алания вышла первой и на мгновение остановилась у порога. Холодный воздух обжёг лицо. Сердце билось чаще обычного, а дыхание казалось предательски тяжёлым. Но в этом страхе рождалась новая сила. Странное чувство, похожее на дыхание свободы. Оно делало её одновременно осторожной и решительной.

Она оглянулась на людей. На Сэма. На хижину, где они пережили эту ночь. И поняла, что назад больше нет дороги.

Её путь начинался здесь, в предрассветной тьме, где любой неверный шаг мог стать последним.

Глава 2

Сомнения убивают быстрее, чем путь в неизвестность.

Сила в том, чтобы верить вместе, даже если дорога скрыта туманом.

Люди поднимались неохотно, тяжело, будто ночь не дала им ни сна, ни отдыха, а только на короткое время прижала к земле, чтобы утром снова вытолкнуть в страх. Кто-то, спотыкаясь, собирал свои скудные пожитки, кто-то молча завязывал узел с вещами дрожащими пальцами, а кто-то просто сидел на полу и смотрел в одну точку, словно не мог поверить, что рассвет всё-таки наступил и теперь снова нужно идти. В хижине пахло сыростью, старой соломой, мокрой одеждой и человеческой усталостью, той самой, которая не смывается водой и не проходит после нескольких часов сна.

Алания натянула на плечи тонкую накидку и шагнула к двери. Сквозь щели в стенах уже пробивался слабый рассветный свет, серый, холодный, почти неживой, и сердце у неё билось так быстро, будто новый день был не просто утром, а одновременно подарком и приговором. Никто из них не знал, доберутся ли они до Другого Мира или ещё до полудня будут пойманы, связаны, возвращены назад, туда, откуда они так отчаянно пытались вырваться.

— Всё, выходим, — коротко сказал Сэм, осматривая людей внимательным, собранным взглядом. Он был насторожен, как всегда, но Алания видела, что даже его плечи сегодня держатся чуть жёстче обычного. — Времени нет.

Одна из женщин, прижимая к груди ребёнка, поднялась не сразу. Мальчик цеплялся за её шею, сонный и испуганный, а сама она смотрела на Сэма так, будто пыталась вытащить из его лица хоть какую-то гарантию, хоть крошечный знак, что всё это не закончится смертью.

— Ты уверен, что мы успеем? — спросила она тихо, как будто даже виновато, словно боялась своим вопросом навлечь беду. — Они ведь наверняка уже ищут нас.

— Успеем, если будем слушать и не тормозить, — резко ответил Сэм. — Здесь медлить нельзя.

Женщина дрогнула, ещё крепче прижала к себе ребёнка, и Алания тут же почувствовала, как по группе прошла волна напряжения. Сэм сказал правду, но правда, брошенная слишком резко, иногда ранит сильнее лжи, особенно когда люди и так держатся на последней нитке.

— Не пугай их, — нахмурилась Алания, шагнув ближе. — Людям и так страшно.

Сэм бросил на неё быстрый взгляд, в котором на мгновение мелькнуло раздражение, но не злость, а усталость человека, который понимает опасность слишком ясно и не хочет украшать её красивыми словами.

— Я не пугаю. Я говорю правду.

— Правду тоже можно говорить так, чтобы она не добивала, — тихо ответила Алания, и он не стал спорить, только отвернулся к выходу, давая понять, что разговор окончен.

Они вышли из хижины один за другим. Утро встретило их густым туманом и влажным холодом, который сразу забрался под одежду, к коже, к костям, будто сама земля пыталась задержать их, заставить передумать, вернуться назад. Трава блестела от росы, воздух был таким плотным, что казалось, в нём можно увязнуть, как в мутной воде, а вокруг стояла непривычная тишина. Ни птиц, ни шороха ветра, ни обычных звуков просыпающегося мира. Только где-то далеко, почти на границе слышимости, глухо шумел лес.

Алания оглянулась на хижину. Ещё ночью она казалась им спасением, маленьким убежищем среди страха, а теперь выглядела просто старой, перекошенной развалиной, которая не смогла бы защитить их ни от Стражников, ни от собак, ни от приказа, подписанного чьей-то равнодушной рукой.

— Вот оно, — тихо сказала она, обернувшись к людям. — С этого момента пути назад уже не будет.

— А он у нас и так сгорел, — хмуро заметил один из мужчин, высокий, широкоплечий, с лицом, на котором усталость сделала каждую чёрту грубее. — Но ты, Алания, говоришь так, будто мы идём прямо к чуду. А вдруг там пустота? Вдруг всё это выдумка, которой нас кормили, чтобы мы хоть как-то терпели свою жизнь?

Несколько человек замерли. Кто-то опустил глаза, кто-то, наоборот, посмотрел на Аланию слишком внимательно, будто ждал, что она сейчас скажет не просто ответ, а приговор их общей надежде. И в этот миг она почувствовала раздражение, острое, горячее, почти мгновенное. Она понимала, что всем страшно, понимала, что здоровый мужчина тоже имеет право бояться, но в ней всё равно вспыхнуло злое, почти детское: как он может говорить это вслух сейчас, когда рядом женщины, дети, когда люди и так едва держатся?

Она могла бы сорваться. Могла бы сказать, что его сомнения не менее опасны, чем лай собак за спиной. Но вместо этого сжала пальцы в кулак, глубоко вдохнула и посмотрела ему прямо в лицо.

— Может быть, там действительно ничего нет, — сказала она, и собственные слова отозвались холодом внутри. — Но я точно знаю, что ждёт нас в Энкаре. Если хочешь вернуться, иди сейчас. Только остальных за собой не тяни.

Мужчина отвёл взгляд первым. Он не поверил окончательно, но понял: сейчас его страху не дадут вести остальных.

— Хватит спорить, — оборвал Сэм. — Двигаемся.

Они пошли гуськом по едва заметной тропе, утопая в белёсом мареве. Туман с каждым шагом густел, будто не просто скрывал дорогу, а стирал её за их спинами, забирал следы, глушил звуки, путал расстояние. Люди сбивались ближе друг к другу, цеплялись за соседей, боясь потеряться в этой вязкой белизне, где даже рука на расстоянии нескольких шагов казалась чужой и неясной.

Сначала тропа ещё угадывалась под ногами: примятая трава, узкая полоска земли, редкие сломанные ветки. Но чем дальше они уходили, тем сильнее лес будто замыкался вокруг, не желая выпускать их. Стволы становились гуще, кустарник цеплялся за одежду, мокрые ветви хлестали по лицу, оставляя на коже холодные следы. Один из мальчишек споткнулся о корень, тихо вскрикнул, и мать тут же закрыла ему рот ладонью, прижимая к себе так резко, будто даже этот слабый звук мог позвать за ними смерть.

Алания шла не первой, но всё время смотрела то на Сэма, то на людей, то на туман впереди. Ей казалось, что сам лес проверяет их на прочность, подсовывает ложные повороты, заставляет сомневаться, шепчет каждому своё: «Ты устал. Ты не дойдёшь. Там ничего нет».

— Мы заблудились, — донёсся сдавленный шёпот где-то сзади. — Здесь нет дороги. Мы идём кругами.

— Не заблудились, — отрезал Сэм, не оборачиваясь, но в его голосе впервые прозвучала усталость.

Алания уловила её сразу. Сэм никогда не выдавал себя, не показывал слабость даже тогда, когда уже едва стоял на ногах, и оттого этот едва заметный надлом в его голосе оказался для неё страшнее открытой паники. Если устал он, значит, путь действительно становился тяжелее, чем они рассчитывали.

Солнце медленно поднималось где-то за мутным серо-розовым небом, словно и само не решалось полностью раскрыть свет. День тянулся мучительно долго. Люди шли всё медленнее, их шаги становились неровными, тяжёлыми, почти слепыми. Кто-то падал на колени, кто-то, не выдержав, садился прямо на влажную землю и мотал головой, отказываясь двигаться дальше. Дети плакали уже не громко, а обессиленно, с тем надрывным всхлипом, после которого у взрослых сжимается сердце. Женщины качали их на руках и просили хотя бы несколько минут остановки, а мужчины, пытавшиеся держаться, всё чаще молчали и смотрели под ноги.

Сэм долго не соглашался на привал. Алания видела, как он считает расстояние, время, опасность, как внутренне спорит с самим собой, потому что остановка могла спасти им силы, но могла и погубить, если Стражники шли ближе, чем они думали. Наконец один из стариков оступился, ухватился за плечо незнакомого мужчины и едва не рухнул лицом в грязь.

— Привал, — сказал Сэм, и все, словно по невидимому сигналу, обессиленно осели на землю.

Алания присела рядом с той самой женщиной, которая утром спрашивала, успеют ли они. У неё дрожали губы, плечи были напряжены так, будто она несла на себе не только ребёнка, но и весь страх этого мира. Мальчик лет пяти сидел у неё на руках, мокрое от слёз лицо прятал в складках её одежды, а маленькие пальцы всё ещё судорожно сжимали ткань, будто если он отпустит, мать исчезнет.

— Тише, — мягко сказала Алания, касаясь плеча женщины. — Потерпи ещё немного. Мы почти дошли. Ещё чуть-чуть, и все наконец-то смогут выдохнуть.

Она осторожно взяла мальчика на руки, чтобы женщина хотя бы на несколько мгновений смогла разжать плечи и вдохнуть глубже. Ребёнок сначала напрягся, потом прижался к ней и тихо всхлипнул. Он был лёгкий, слишком лёгкий для своего возраста, и от этого Алании стало ещё больнее.

Женщина смотрела на неё с неподдельным любопытством и тревогой, будто долго собиралась спросить то, что уже не могла удерживать внутри.

— Ты сама-то веришь в это? — спросила женщина. — Ты уверена, что там хоть что-то есть? Мы ведь идём в неизвестность. Как ты можешь говорить, что мы точно найдём этот Другой Мир?

Алания отвела взгляд. Слова женщины попали точно туда, куда она сама старалась не смотреть. Сомнения поднимались внутри тёмной водой, но если она сейчас позволит им прорваться, люди могут рассыпаться прямо здесь, среди мокрой травы и тумана.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Таша. А это мой сын Мирон.

— Таша, я не знаю, что там будет. Если скажу, что уверена, это будет неправда. Но я знаю другое: возвращаться нам некуда. Посмотри на Мирона. Ты правда хочешь для него ту же судьбу, что была у тебя в Энкаре?

Таша прижала сына крепче. В её светлых фисташковых глазах блеснули слёзы.

— Я боюсь, что там ничего нет, — призналась она. — Что всё закончится лесом и смертью. Но оставаться в мире, где у него заранее отняли будущее, я тоже не могу.

— Я тоже боюсь, — тихо сказала Алания. — Поэтому сегодня идёшь ты, а я помогу нести Мирона. Завтра, если я начну падать, поможешь мне. Так и доберёмся.

Таша долго смотрела на неё, а затем осторожно забрала Мирона обратно.

— Тогда будем идти. Вместе.

Алания кивнула. Это короткое слово ничего им не гарантировало, но Таша выпрямила спину. Мужчина, сидевший рядом, протянул старику воду, кто-то помог женщине затянуть разорвавшийся узел. Группа не стала сильнее за одно мгновение. Просто каждый перестал думать только о том, сколько осталось выдержать ему самому.

Они двинулись дальше, едва успев перевести дух и разделить между собой остатки еды. Куски были такими маленькими, что скорее напоминали жест поддержки, чем настоящую пищу, но люди всё равно передавали их друг другу бережно, почти торжественно, потому что теперь даже эта крошечная забота означала: мы ещё не звери, мы ещё помним, что рядом живые.

Туман сгущался всё сильнее, словно лес то укрывал их, то испытывал, и от этого каждый шорох становился отчётливее. Где-то вдали треснула ветка. Все замерли. Сэм поднял руку, приказывая молчать, и несколько мгновений они слушали, как в груди у каждого стучит сердце.

Потом звук повторился, чуть дальше, правее, и Алания уже почти убедила себя, что это зверь, обычное лесное животное, когда дневной воздух прорезал далёкий лай собак.

Сначала один. Потом второй. Потом ещё.

За спиной донёсся металлический звон, глухой, короткий, будто кто-то задел оружием о пряжку или цепь. Несколько женщин резко вдохнули, один из мужчин выругался себе под нос, а Мирон снова вцепился в одежду Таши.

— Они рядом, — прошептал кто-то, и этого шёпота оказалось достаточно, чтобы страх прошёл по группе холодной волной.

Алания почувствовала, как внутри всё похолодело, будто кровь на миг стала ледяной. Женщины крепче прижали к себе детей, мужчины подняли плечи, готовясь к схватке, хотя врага ещё не было видно. Но она знала: паника убьёт их быстрее любых Стражников.

— Ближе друг к другу, — сказала она негромко, шагнув ближе к Сэму. — Не рассыпайтесь. Если они нас догонят, поодиночке нас сомнут сразу. Что бы ни происходило, не сдаёмся.

Сэм оглянулся на неё, и его глаза в сером свете казались твёрдыми и спокойными. Он быстро обвёл взглядом людей, потом кивнул, будто мгновенно понял её мысль.

— Держитесь группой, — добавил он. — Детей в середину. Мужчины по краям. Не шуметь. Не бежать без команды.

Люди начали сближаться, плечо к плечу, рука к руке. Дети прятались между взрослыми, ловя кожей то, чего ещё не могли понять глазами: невидимые шаги, приближающуюся угрозу, страх, который передаётся без слов. Тот самый мужчина, который утром сомневался, поднял с земли толстую ветку и встал сбоку от Таши с Мироном, ничего не сказав. Алания заметила это и почему-то почувствовала к нему благодарность, хотя ещё недавно хотела отчитать за слабость.

— Смотрите на того, кто идёт перед вами, — сказала Алания. — Не теряйте друг друга и не оглядывайтесь без конца.

Дыхание группы постепенно выровнялось. Не сразу, не легко, но люди начали подстраиваться друг под друга, идти в одном ритме, меньше цепляться за ветки, меньше издавать лишних звуков. Шаги, удары сердца, даже страх — всё складывалось в одно общее движение. И теперь туман уже не только пугал, но и будто накрывал их мягким покрывалом, прятал от чужих глаз, стирал края тел.

Алания встретила взгляд Сэма. Он коротко кивнул и двинулся вперёд, выбирая дорогу так, чтобы следы группы распадались и терялись между деревьями. Он петлял не хаотично, а с какой-то звериной точностью, будто сам становился частью леса и заставлял пространство помогать им. То вёл группу по каменистой полосе, где следы почти не оставались, то направлял вдоль корней, то вдруг резко уходил в сторону, чтобы сбить возможную погоню с прямого пути.

Алания наблюдала за людьми. В их глазах страх ещё держался, но он уже не был бесформенной паникой, он обретал направление. Женщины следили за каждым её жестом, мужчины сжимали в ладонях всё, что могло хоть отдалённо напоминать оружие: палки, обломки ветвей, даже камни. Один из стариков, который утром почти падал, теперь шёл медленно, но упрямо, не позволяя никому тащить себя на себе.

Она сама шагала и внутри повторяла, как заклинание: «Лес нас прячет. Туман скрывает. Пусть наши следы распадутся. Пусть их собаки возьмут пустоту».

Ветер прошёл по кронам, и туман, уже начавший редеть, снова сгустился за их спинами. Алания оглянулась на белёсую пелену, закрывавшую тропу, но решила, что ветер просто изменил направление. Люди двигались осторожно, почти в замедленном ритме: бородатый мужчина пригибался под низкими ветвями, женщина с младенцем шептала что-то ребёнку так тихо, что слова превращались в дыхание, а тот самый утренний сомневающийся теперь шёл почти в ногу с Сэмом, оглядываясь назад не от паники, а чтобы следить за хвостом группы.

Шаги за спиной становились то ближе, то дальше. Лай собак несколько раз прорывался сквозь туман, и каждый раз люди замирали внутри, но продолжали идти. Потом Сэм резко остановился возле небольшого ручья, почти скрытого травой, и показал рукой, чтобы все ступали прямо в воду.

— По камням и по воде, — сказал он едва слышно. — Не оставляйте следов на берегу.

Они переходили ручей медленно, почти беззвучно. Вода была ледяной, обжигала ступни даже через обувь, но никто не жаловался. Мирон хотел вскрикнуть, когда холод коснулся его ног, но Таша успела прижать его к себе, а Алания накрыла его ладони своими. — Потерпи, маленький. Ещё немного.

Там, где ручей поворачивал, Сэм разрешил ненадолго остановиться. Люди быстро наполнили фляги и кожаные мешки, несколько человек зачерпнули воду ладонями. Пить хотелось так сильно, что Алания едва заставила себя оторваться после нескольких глотков. На другом берегу Сэм прошёл несколько шагов вправо, сломал тонкую ветку, затем вернулся точно по собственным следам и повёл группу в противоположную сторону. Алания увидела это, и в груди у неё на мгновение стало теплее. Он был измотан, почти не спал, но всё равно думал быстрее всех.

Чем дальше они углублялись, тем тише становилось вокруг. Даже птицы стихли, и лес будто накрыл их своим пологом. Алания чувствовала, как напряжение медленно отступает, хотя тревога ещё тлела под кожей, не позволяя расслабиться полностью.

— Кажется, мы сбили их со следа, — тихо сказал Сэм спустя долгое время, коснувшись её плеча.

Люди переглянулись. В их глазах мелькнула искра облегчения, но никто не позволил себе настоящей радости, потому что радоваться в пути, где за тобой идут собаки, было слишком опасно. Они продолжали идти ещё несколько часов, пока лес не стал совсем густым, влажным и чужим, а небо над кронами не начало темнеть.

— Думаю, пора остановиться на ночь, — сказала Алания, внимательно оглядывая небольшую поляну, почти скрытую между старыми деревьями. — Здесь нас будет сложно заметить.

Сэм долго молчал, осматривая место, потом кивнул.

— Только без костра. И сторожить будем по очереди.

Группа осторожно развернулась на поляне. Кто-то опустился прямо на траву, кто-то начал сооружать примитивное укрытие из ветвей, кто-то просто сел, обняв колени, и впервые за весь день позволил себе закрыть глаза. Дети прижались к матерям, женщины наконец выдохнули, мужчины продолжали оглядывать темноту, хотя по их лицам было видно, что силы закончились почти у всех.

— Сегодня сторожим по очереди, — сказал Сэм двум мужчинам, замыкавшим колонну. — Алания вместе со всеми отдохнёт. Я тоже лягу ненадолго, после бессонной ночи уже тяжело, потом сменю вас.

— Понял, — кивнул один из них, привычно сжимая деревянный посох. — Не уснём.

Алания села рядом с Ташей и Мироном и впервые за день позволила усталости дотянуться до тела полностью. Пока они шли, она будто запрещала себе чувствовать боль, тяжесть, голод, дрожь в ногах, но теперь всё это навалилось разом. Она смотрела, как люди устраиваются на земле, как кто-то делит последний кусок сухой лепёшки, как мужчина, ещё утром говоривший о пустоте, молча отдаёт свою долю ребёнку, и думала: «Мы вместе. Мы держимся. Сейчас это важнее всего».

Лес затихал. Туман мягко стелился по траве, словно сам становился невидимой защитой. Только где-то далеко, уже неясно где, будто в другом мире, ещё раз коротко тявкнула собака, и все на поляне замерли. Но звук не повторился.

Сэм сел чуть в стороне. Его взгляд скользил по людям, краю поляны и темноте между деревьями. Алания слишком хорошо знала это выражение лица: он не считал их спасёнными, просто позволял остальным несколько часов так думать.

— Ты обещал лечь, — напомнила она. — Сейчас, а не после ещё одного круга по поляне.

— Сначала проверю ту сторону.

— Ты её уже проверял. Дважды. Если ты свалишься завтра посреди дороги, нам от этого легче не станет.

Сэм посмотрел на неё устало, почти сердито, но спорить не стал. — Хорошо. Только не вздумай сама вставать на дежурство.

— Даже не собиралась, — ответила Алания. Он явно не поверил, однако всё-таки лёг у дерева, положив руку возле ножа.

На краю поляны двое дежурных прислушивались к лесу. Где-то в темноте треснула ветка, и один из мужчин крепче сжал посох.

— Если услышишь ещё раз, разбудим Сэма, — тихо сказал второй. — А пока пусть спит. Завтра ему снова вести нас.

Первый кивнул и повернулся к лесу. Лёгкий ветер донёс запах хвои, мокрой земли и прелой листвы. Туман стелился между деревьями, закрывая край поляны. Люди постепенно засыпали, один за другим, кто-то сидя, кто-то прямо на земле, кто-то прижимая к себе ребёнка так крепко, будто даже сон не мог ослабить страх потерять самое дорогое.

Алания закрыла глаза, потому что тело больше не спрашивало разрешения. Впервые за много часов она позволила себе короткий сон, цепляясь за хрупкую уверенность, что хотя бы на эту ночь у них есть передышка.

Ночь постепенно отступала. Серый свет начал просачиваться сквозь густую листву, растянувшуюся над поляной, и лес будто проснулся вместе с ними. Дети ворочались во сне, женщины тихо вздыхали, двое мужчин из последней смены, побледневшие от усталости, всё ещё стояли у края поляны, хотя по их лицам было видно, что они держатся только на упрямстве. Туман медленно рассеивался, и первые лучи солнца касались верхушек деревьев, создавая золотистые узоры на влажной траве.

Сэм поднялся первым, слегка потянул плечи и тут же поморщился, будто тело напомнило ему о каждой бессонной минуте. Его движения были тихими и аккуратными, но в них всё равно читалась готовность к любому развитию событий. Он прошёл по краю поляны, проверяя, не осталось ли признаков чужого присутствия, потом присел возле одного из следов, коснулся земли пальцами и нахмурился.

Алания заметила это.

— Что там?

— Ничего явного, — ответил он, но слишком быстро.

Она подошла ближе. На влажной земле действительно не было отпечатка сапога или лапы, только примятая трава и маленькая сломанная ветка, свежая, ещё светлая внутри.

— Думаешь, это они?

Сэм посмотрел в сторону леса, туда, где между деревьями снова начинал сгущаться утренний туман.

— Не знаю. Может, зверь. Может, ветер. А может, лес просто напоминает нам, что стоять нельзя.

Алания ничего не ответила, но внутри всё снова собралось в тугую нить. Вчерашний страх не исчез. Он просто сменил форму. Стал тише, глубже, осторожнее.

— Встаём, — сказал Сэм, повернувшись к группе. — Выходим сейчас, пока туман не рассеялся.

Алания встала рядом, поправила накидку и глубоко вдохнула влажный холодный воздух. Внутри ещё сохранялась тревога, но теперь она была не парализующей, а живой, почти нужной,

как память о том, что путь продолжается и расслабляться рано. Она посмотрела на людей, на Ташу с Мироном, на мужчин, на Сэма, и почувствовала, как между ними снова натягивается невидимая нить.

Люди покинули поляну и снова вошли в лес. Впереди шёл Сэм, внимательно выбирая дорогу, Алания двигалась чуть позади и следила, чтобы никто не отстал. Никто больше не спрашивал, существует ли Другой Мир.

На мгновение Алании показалось, что между дальними деревьями мелькнул тонкий серебристый свет. Она моргнула, но там остался только туман. Алания ничего не сказала и продолжила идти.

Глава 3

Страх умеет принимать любую форму, лишь бы человек повернул назад.

Иногда Границу видит только тот, кто первым решается поверить себе.

Ещё утром, когда они покидали поляну, у многих внутри жило почти детское ожидание: сегодня лес закончится. Сегодня за туманом откроется тот самый Другой Мир, о котором в Энкаре говорили шёпотом и ради которого они рискнули всем, что у них оставалось. После ночной погони, холодного ручья и нескольких часов сна людям хотелось верить, что самое страшное уже позади. Никто не произносил этого вслух, словно надежду можно было спугнуть неосторожным словом, но Алания видела её в том, как женщины поправляли детям одежду, как мужчины поднимались без вчерашних споров, как Таша, передавая ей Мирона, впервые попыталась улыбнуться.

Лес будто услышал их и решил напомнить, что ничего им не обещал.

Первые часы пути прошли в вязком молчании. Даже дети притихли, уткнувшись лицами в плечи матерей. Влажный воздух лежал на коже тяжёлой тканью, одежда липла к телу, ноги проваливались в мягкую землю. Деревья становились выше и теснее, ветви сплетались над головами, не пропуская свет, а знакомые звуки постепенно исчезали. Не было птиц, шороха мелких зверей, жужжания насекомых. Только шаги группы, сдавленное дыхание и редкий треск ветки, после которого сразу несколько человек оборачивались.

Тропа тоже начала меняться. Там, где Сэм минуту назад замечал примятую траву, оказывался бурелом или сплошная стена кустарника. Узкие проходы выводили к одним и тем же деревьям, повороты возвращали их к стволу, расколотому молнией, хотя они давно должны были оставить его позади. Сэм несколько раз опускался на колено, раздвигал траву, проверял мох на коре и направление света, но каждый раз поднимался всё мрачнее.

— Мы здесь уже были, — произнёс широкоплечий мужчина, поддерживавший старика. Он указал на глубокую царапину в коре. — Я сам зацепил дерево посохом.

— Похожий ствол, — ответил Сэм и двинулся дальше, но Алания успела заметить, как он провёл большим пальцем по той самой царапине.

Она тоже чувствовала: что-то изменилось. Это было не обычное ощущение погони, когда слух ловит далёкий лай, а тело заранее готовится бежать. За ними следовало нечто другое. Невидимое, холодное, слишком близкое. Временами Алании казалось, что оно движется между людьми, касается плеч, заглядывает в лица и выбирает, чей страх окажется легче открыть.

Один из мужчин остановился так резко, что идущая за ним женщина врезалась ему в спину. Он поднял посох, всмотрелся в туман между деревьями и тихо произнёс: — Там шаги.

— Ветки трещат, — отозвался другой. Его голос прозвучал резче, чем требовалось. — Здесь никого нет.

— Ветки не ходят за нами уже полчаса, — возразил мужчина и крепче сжал посох.

Люди начали оборачиваться. Сэм поднял руку, заставляя всех замолчать, и несколько мгновений слушал. Тишина стала такой плотной, что Алания слышала, как Мирон сопит у Таши на руках. Потом где-то справа хрустнула ветка. Слева ей ответил другой сухой щелчок.

— Дальше. Не растягиваться, — сказал Сэм, не объясняя, что услышал, и от этого людям сделалось ещё страшнее. Обычно он находил слова, даже если они были жёсткими. Мог выругаться, бросить колкость, приказать двигаться быстрее. Сейчас молчал и всё чаще сжимал рукоять ножа, словно тоже чувствовал в лесу присутствие, против которого оружие не поможет.

Через некоторое время Таша тихо позвала Аланию. Она стояла посреди тропы, прижимая Мирона так крепко, что мальчик беспокойно задвигался. Лицо женщины побледнело, светлые фисташковые глаза смотрели мимо людей, в пустое пространство между деревьями.

— Ты слышишь? — спросила она. — Там женщина. Она зовёт Мирона.

Алания подошла ближе, взяла Ташу за плечо и спросила, кто её зовёт.

— Моя сестра. Она умерла три года назад. Я знаю её голос.

По группе прошла волна тревоги. Люди начали прислушиваться, и почти сразу шёпот появился со всех сторон. Сначала едва различимый, похожий на движение листьев, затем ближе и яснее. Один из стариков перекрестил руки на груди и пробормотал, что в глубине леса всегда жили мёртвые. Женщина возле него всхлипнула, мужчина с посохом шагнул к деревьям, будто услышал там кого-то своего.

— Не слушайте, — сказала Алания. Пришлось повысить голос, чтобы люди посмотрели на неё. — Что бы вы ни слышали, не отвечайте. Это лес лезет нам в головы.

— Откуда ты знаешь? — спросил мужчина.

— Не знаю. Но сестра Таши не ждала нас в этом лесу. И ваши мёртвые тоже.

Таша вздрогнула, словно только сейчас поняла, что собиралась идти на голос. Алания разжала её пальцы на одежде Мирона, помогла удобнее перехватить сына и заставила посмотреть себе в глаза.

— Ты здесь. Мирон у тебя. Держись за это.

Сэм вышел к середине группы. Его лицо оставалось собранным, но в глазах появился незнакомый блеск, слишком яркий и напряжённый.

— Пока идём вместе, лес не растащит нас по одному, — сказал он. — Если слышите голос, говорите сразу. Не отходите, даже если вам кажется, что рядом мать, ребёнок или сам Создатель.

Когда люди снова двинулись, Алания спросила Сэма, слышит ли он что-нибудь. — Нет, — ответил он слишком быстро, отвернулся и начал раздвигать ветви. Она не стала настаивать. В этом месте любое признание могло сделать голос сильнее.

Она шла и повторяла про себя, что лес не решит за них, где закончится дорога. Мысль была упрямой, почти злой, и за неё удавалось держаться. Когда между деревьями появлялось движение, Алания смотрела под ноги. Когда ей чудился собственный шёпот, считала шаги. Когда туман становился плотнее и тянулся к лицу холодными языками, вспоминала вес Мирона у себя на руках и ладонь Сэма на плече. Настоящие вещи имели тяжесть, температуру, запах. Страх умел принимать форму, но не мог стать всем сразу.

Постепенно воздух изменился. В нём появился сухой горький привкус, хотя лес оставался сырым. Туман стал серым, местами прорезанным тусклыми жёлтыми полосами. Деревья то отдалялись, то нависали совсем близко, и расстояние между двумя шагами перестало казаться одинаковым. Алания смотрела на спину Сэма, потом моргала и видела его на несколько метров дальше, хотя он не успевал отойти. Мир терял устойчивость, словно они двигались не через лес, а сквозь чужой тяжёлый сон.

Волки появились без звука.

Сначала среди тумана открылись жёлтые глаза. Потом проступили тёмные спины, острые морды и густая мокрая шерсть. Один зверь стоял впереди, другой вышел слева, ещё двое двигались между стволами справа. Они не рычали и не скалили зубы, просто сужали круг, глядя на людей слишком спокойно и осмысленно.

Кто-то вскрикнул. Дети заплакали, мужчины подняли посохи и палки, женщины сбились ближе. Один из путников отступил так резко, что едва не сбил старика.

— Это тоже лес? — спросил он, не отводя взгляда от ближайшего зверя. — Или они сейчас разорвут нас по-настоящему?

Никто не ответил. Волк шагнул ближе, и Алания услышала его дыхание. Увидела, как в шерсти дрожат капли воды, как лапа приминает траву. Если это было видение, оно умело становиться плотнее реальности.

Сэм вынул нож. Алания коснулась его запястья и попросила подождать. — Чего? — спросил он, но она не знала, что ответить. Сердце билось так сильно, что отдавалось в горле, ноги дрожали. Всё внутри требовало отступить, спрятаться за мужчинами, найти дерево, к которому можно прижаться спиной. Но волки не нападали. Они ждали именно этого: крика, бегства, первого удара, после которого люди перестанут отличать друг друга от чудовищ.

Алания вышла вперёд. Ближайший зверь повернул голову, следя за ней. Его глаза были жёлтыми, неподвижными, и в их глубине шевелилось что-то знакомое. Она увидела подвал в Энкаре, руки Стражников, тёмную площадь и собственное тело на земле. Волк собирался из её памяти. Брал тот страх, которому она верила без доказательств, и надевал на себя шерсть, клыки, дыхание.

— Алания, назад, — тихо сказал Сэм, но она сделала ещё один шаг и, не отводя взгляда от жёлтых глаз, произнесла: — Ты не настоящий.

Волк оскалился. По группе прокатился сдавленный крик, но Алания не отступила. За страхом поднималось другое чувство: ярость на лес, на Энкару, на всё, что снова требовало от неё согнуться раньше, чем произошло хоть что-то.

— Я тебя вижу, — произнесла она громче. — И больше не стану кормить тебя своим страхом.

Воздух дрогнул, словно где-то внутри пространства лопнула натянутая струна. Шерсть на морде волка поплыла, превратилась в дым. Жёлтые глаза потускнели, лапы растворились в траве. За ним начали исчезать остальные звери. Через несколько мгновений вокруг остались только деревья, мокрая земля и туман, который медленно стягивался туда, где только что стояла стая.

Никто не двигался. Потом Таша тяжело выдохнула, и этот звук словно вернул остальных. Кто-то опустил палку, кто-то сел прямо на землю. Сэм всё ещё держал нож, но смотрел не в лес, а на Аланию.

Сэм спросил, как она это сделала. Алания оглянулась на примятую траву и только теперь заметила, что следов волчьих лап не осталось. — Поняла, что он показывает мне мой страх. Я не заставила его исчезнуть, просто перестала ему верить.

Сэм несколько секунд изучал её лицо, будто хотел спросить что-то ещё, но рядом заговорил широкоплечий мужчина. Он вспоминал слухи о безумной полосе возле Границы, где люди слышали голоса и видели такое, после чего уже не могли найти дорогу обратно. Раньше эти рассказы казались способом удержать беглецов в Энкаре. Теперь никто не смеялся.

Станным образом ужас не усилился. У него появилось имя и хотя бы одно правило. Лес вытаскивал наружу то, чего они уже боялись. Значит, не каждое чудовище могло причинить им вред, не каждый голос принадлежал тому, кого они слышали, и даже самое настоящее видение можно было разрушить, если успеть узнать его раньше, чем поверишь.

Сэм убрал нож и приказал вытаскивать каждого, кто перестанет отвечать: звать по имени, трясти, тащить за собой, делать что угодно, лишь бы не позволить человеку уйти за видением. — И никто не прячет, что слышит, — добавила Алания. — Здесь молчание опаснее страха.

Они двинулись плотной цепью. Несколько человек держались за руки, остальные шли так близко, что касались плечами. Сэм вёл группу, Алания держалась рядом, стараясь видеть и его, и Ташу с Мироном, и стариков в конце. Воздух продолжал густеть, движения становились медленнее, тело ощущалось тяжёлым и не до конца своим.

Следующими изменились деревья. Их стволы выгнулись, сплелись и стали похожи на человеческие фигуры, застывшие в мучительных позах. На коре проступали тёмные впадины, напоминавшие глаза и рты, тонкие ветви тянулись вслед за людьми, как пальцы. Чем дальше Алания смотрела, тем яснее видела лица. Некоторые были ей незнакомы, другие принадлежали людям из Энкары. Одно на мгновение стало лицом матери.

Алания резко опустила взгляд. Рядом остановилась Таша и прошептала, что деревья смотрят на них. Сэм повернул её лицо к тропе. — Смотри на мои шаги, на землю, на Мирона. Куда угодно, только не на стволы.

В тот же миг замер он сам.

Это длилось не больше удара сердца, но Алания сразу поняла: Сэм увидел что-то своё. Его лицо стало неподвижным, дыхание оборвалось. Он смотрел под корни ближайшего дерева, и Алания проследила за его взглядом.

На земле лежало тело. Худое, окровавленное, с пустыми глазами. Сэм видел самого себя.

Алания позвала Сэма, но он не ответил. Тогда она схватила его за руку и сжала так сильно, что ногти впились в кожу. — Смотри на меня. Сэм, смотри на меня.

Он моргнул. Тело под деревом исчезло, корни снова стали корнями. Сэм резко вдохнул и попытался выдернуть руку, но Алания не отпустила.

— Я здесь, — сказал он хрипло. Алания велела ему идти. Сэм кивнул и снова повёл группу. Она не спросила, что именно он видел. Ответ остался в его побелевшем лице и в том, как крепко он держал её пальцы ещё несколько шагов.

Туман впереди зашевелился. Из белой пелены выступила высокая фигура, закрытая чёрной вуалью. Она не шла, а скользила между деревьями, не оставляя следов. С каждым её движением воздух темнел, шёпот становился ближе, а в груди раздавался тяжёлый гул.

Один из мужчин вырвался из цепи.

— Назад! — крикнул он и бросился вперёд с посохом.

Сэм попытался остановить его, но не успел. Посох прошёл сквозь фигуру, как через пепел. Чёрная вуаль распалась на серые хлопья, и над лесом разнёсся смех. Хриплый, ломаный, он звучал внутри головы, царапал мысли и заставлял людей зажимать уши. Мальчик рядом с матерью упал на колени и начал кричать, что за ним пришли. Старик тянул руки к пустоте, повторяя женское имя. Таша закрыла Мирону уши, сама побледнев до синевы.

Группа распадалась. Каждый оставался наедине с тем, что видел, и лес мгновенно заполнял расстояние между людьми.

Алания схватила ближайшую женщину за руку и подтянула к себе. Та вцепилась в мужчину рядом, мужчина поймал старика, ещё несколько человек соединили цепь. Сэм понял её без слов и начал громко считать шаги.

— Раз. Два. Три. Ещё раз. Раз. Два. Три.

Простой ритм оказался прочнее шёпота. Люди шли за его голосом, как за верёвкой в темноте. Лица в стволах поворачивались им вслед, смех становился плачем, плач переходил в знакомые голоса. Кого-то звал умерший отец, кому-то ребёнок обещал, что больше не будет больно. За спиной Алании прозвучал голос матери, холодный и ясный, будто между ними не было ни леса, ни прошедших лет.

«Ты всё равно не сможешь. Сколько людей ты погубишь на этот раз?»

Алания сбилась с шага. Перед глазами появилась площадь, где люди смотрели на неё с ненавистью. Потом подвал, дверь и лица тех, кого она вывела из Энкары. Они лежали среди деревьев, а Сэм стоял рядом и спрашивал, зачем поверил ей.

Она споткнулась.

— Алань.

Сэм удержал её за локоть. Одного имени хватило, чтобы воздух снова вошёл в лёгкие. Алания посмотрела на его руку, на грязь под ногтями, на порез возле большого пальца. Настоящий Сэм был рядом. Живой, злой, испуганный. Он не обвинял её и не лежал среди корней.

— Я здесь, — выдохнула она. — Иду.

Лес не придумывал их страхи. Он только снимал с них кожу, давал голос и лицо тому, что каждый много лет носил внутри. Теперь Алания понимала это почти телом. Как только видение появлялось, она искала деталь, которой можно было ответить: тёплую ладонь, тяжесть сумки

на плече, боль в натёртой ступне, дыхание Мирона. Реальность не обещала безопасности, но оставалась общей. Видение всегда пыталось оставить человека одного.

Сколько времени они шли, никто уже не понимал. День мог продлиться несколько часов или несколько суток. Туман не менялся, свет не двигался, лес не показывал неба. Люди падали, поднимали друг друга и снова считали шаги. Иногда считал Сэм, иногда Алания, потом к ним присоединилась Таша. Голоса менялись, чтобы никто не оставался единственной опорой.

И вдруг впереди появился свет.

Сначала Алания приняла его за очередное видение. Тонкая серебристая линия стояла между двумя деревьями, дрожала в воздухе и была настолько хрупкой, что исчезала, стоило посмотреть прямо. Она отвела взгляд, затем снова поймала её краем зрения. Свет остался. Не походил ни на солнце, ни на огонь, ни на отражение воды. Он прорезал пространство сверху вниз, словно ткань Мира разошлась по едва заметному шву.

Алания остановилась, и цепь людей натянулась за её спиной. — Там что-то есть, — сказала она, указывая между двумя стволами. — Серебряный свет.

Сэм проследил за её взглядом и долго всматривался в туман, но лицо оставалось напряжённым. — Я ничего не вижу.

Люди начали шуриться, вытягивать шеи, подходить ближе. Никто не замечал линии. Перед ними стояли только туман и смутные деревья.

— Алания тоже попала в видение, — прошептал кто-то сзади.

Сомнение прошло по группе быстрее страха. Теперь люди смотрели не туда, куда она указывала, а на неё. В их лицах смешались надежда и ужас ошибиться. Они уже однажды поверили Алании и зашли так далеко, что дороги назад почти не осталось. Если серебряная линия была ловушкой леса, она поведёт их прямо в неё.

Алания снова посмотрела на свет. Он пульсировал спокойно и ровно. В отличие от волков, не собирался из её страха. Не показывал желаемого будущего, не звал голосом знакомого человека, ничего не обещал. Просто был.

Внутри возникло странное узнавание. Она уже видела его во сне: дорога заканчивалась, под ногами исчезала земля, а между деревьями появлялась серебряная нить. Тогда Алания проснулась, не успев коснуться её. Сейчас свет находился в нескольких десятках шагов и ждал.

— Это Граница, — сказала она. Сэм повернулся к ней и спросил, уверена ли она. — Нет. Но я её вижу.

— А если лес показывает тебе именно то, что ты хочешь увидеть?

Алания посмотрела на людей. Они едва держались на ногах. Мирон больше не плакал, только смотрел огромными глазами. Старик опирался сразу на двоих мужчин. Таша прижимала сына к себе и ждала ответа, от которого зависело всё.

— Тогда мы узнаем это там, — произнесла Алания. — За спиной Энкара. Впереди единственное, чего этот лес до сих пор не пытался заставить нас бояться.

Сэм продолжал смотреть на пустое для него место, затем протянул руку и попросил показать дорогу. Алания сжала его ладонь.

В этот момент издалека донёсся лай.

Он отличался от лесного шёпота. Был неровным, жадным, настоящим. Следом прозвенел металл, и туман позади группы начал темнеть. Между деревьями появились фигуры: сначала смутные пятна, затем цельные тёмные костюмы с гладкой поверхностью, похожей на панцирь. Стражники двигались ровно и уверенно. На их одежде туман не задерживался, лица закрывали маски и стеклянные щитки. Рядом рвались с цепей собаки.

Лес пропускал их.

— Почему они не видят этого? — спросила Таша.

— Может, их костюмы защищают, — ответил Сэм. — Или они достаточно давно знают, чего здесь бояться.

Стражники приближались. Земля отзывалась на тяжёлые шаги, собаки уже тянули поводки в сторону людей. Теперь никто не сомневался, настоящее ли преследование.

— Ведите детей вперёд, — приказал Сэм. Он повернулся к Алании. — Куда?

Она подняла руку и указала на серебряную линию.

— Прямо. Не отклоняйтесь, даже если ничего не видите.

Люди не двинулись. После всего, что показал им лес, довериться невидимому проходу оказалось страшнее, чем остаться перед Стражниками. Алания чувствовала, как воля группы снова рассыпается. Ещё несколько мгновений, и кто-то побежит в сторону, увлекая за собой остальных.

— Посмотрите на меня! — крикнула она. — Я не обещаю, что там безопасно. Я даже не знаю, что находится по ту сторону. Но Граница здесь. Я вижу её. Если останемся, нас вернут в Энкару. Если побежим по лесу, он растащит нас. У нас есть только один путь, и пройти его можно вместе.

Щуплый мальчишка, весь день державшийся за рукав старика, вдруг вырвал руку. Возможно, его толкнул страх, а может, он первым решил, что невидимый проход всё равно лучше знакомых цепей. Мальчик вскрикнул и бросился туда, куда указывала Алания.

Женщина рядом попыталась схватить его, но не успела. Все увидели, как ребёнок бежит прямо к двум деревьям, за которыми нет ничего, кроме тумана. За несколько шагов до серебряной линии свет вспыхнул ярче. Пространство раскрылось перед ним, мальчишеская фигура на мгновение стала прозрачной и исчезла в сиянии.

Не упала. Не разбилась о ствол. Прошла.

Таша первой прижала Мирона к груди и побежала следом. За ней двинулся мужчина с посохом, потом старики, женщины и дети. Сэм направлял людей туда, где сам по-прежнему ничего не видел, доверяя только руке Алании и тем, кто исчезал в воздухе перед ним. Каждый переход делал линию заметнее. Серебряный свет расширялся, раздвигал туман, открывая узкую щель между Мирами.

Стражники рванули вперёд. Их костюмы загремели, собаки сорвались с поводков. Лес пришёл в движение: ветви хлестали людей по лицам, корни поднимались под ногами, туман вспыхивал рваными жёлтыми полосами. Граница дрожала, становилась то шире, то уже, будто чувствовала приближение чужих и собиралась закрыться.

Люди исчезали в свете один за другим. Кто-то падал, и его поднимали. Детей передавали вперёд с рук на руки. Старика почти внесли двое мужчин. Таша оказалась у линии, обернулась к Алании, словно собиралась ждать, но та крикнула ей идти. Женщина прижала Мирона крепче и шагнула в серебро.

Алания осталась последней. Она считала людей, убеждаясь, что никто не потерялся в тумане. Сэм стоял возле прохода и не уходил. — Теперь ты! — крикнула она, но он только сильнее сжал её ладонь. — Вместе.

За спиной раздался лай. Один из псов вырвался вперёд, Сэм метнул нож. Лезвие ударило в землю перед мордой, заставив зверя отшатнуться. Этой секунды хватило, чтобы последняя женщина с младенцем вошла в свет.

Алания позвала Сэма. Он шагнул к Границе, продолжая держать её за руку. Серебряное сияние обхватило его пальцы, поползло по запястью. Алания почувствовала сопротивление, словно пространство пыталось разделить их. Стражники были уже совсем близко. Один вытянул руку, чёрная перчатка рассекла туман, и Алания рванулась вперёд.

На мгновение всё растянулось: лес, тяжёлое дыхание, пальцы Сэма, звон металла и серебряный свет. Рука Стражника почти коснулась её плеча, но схватила только край тумана.

Мир оборвался.

Сначала Алания слышала тишину. Не мёртвую тишину Энкары, за которой всегда прятались шаги и надзор. Не тишину леса, наполненную чужим шёпотом. Эта была живой и глу-

бокой. В ней двигался ветер, вдали текла вода, высоко в ветвях перекликались птицы. Ни один звук не предупреждал об опасности.

Она открыла глаза. Свет окружал со всех сторон, но не слепил. Ложился на кожу, золотился в волосах, растворял боль в висках. Воздух был прозрачным, прохладным и пах травой, водой, цветущими деревьями. Земля мягко пружинила под ногами, вокруг поднимались светлые стволы, а в листьях переливались зелёные, серебристые и золотые оттенки.

Сэм всё ещё держал её за руку.

Люди стояли неподалёку, ошеломлённые и молчаливые. Потом один за другим начали опускаться на траву. Кто-то смеялся, кто-то плакал, кто-то рассматривал собственные ладони, словно проверял, осталось ли тело настоящим. Таша сидела, прижав Мирона к груди, а мальчик тянул пальцы к светящимся травинкам и впервые за много часов улыбался.

У прозрачного потока стоял тот самый шуплый мальчишка. Живой. Он зачерпнул воду ладонями и пил, не дожидаясь взрослых. Старик, за рукав которого он держался весь день, добрался до него и обнял так крепко, что оба едва не упали.

Алания оглянулась. За спиной больше не было ни леса, ни серебряной щели. Только высокие деревья и свет. Стражники не прошли.

Сэм медленно разжал пальцы, но не отошёл. Усталость оставалась в его лице, тревога тоже не исчезла, однако поверх них появилось что-то новое: облегчение и тихое изумление, в которое он пока боялся поверить.

— Ты действительно её видела, — сказал он. Алания кивнула, а Сэм покачал головой, до конца не веря произошедшему. — И я пошёл за тобой в пустоту.

— Я заметила.

Он тихо рассмеялся и провёл ладонью по лицу. Смех сразу перешёл в неровный выдох. Алания шагнула ближе, и Сэм обнял её. Не осторожно и не привычно, а со всей силой, которую удерживал последние дни. Она прижалась к нему, чувствуя его дрожь, и впервые не стала делать вид, что сама держится лучше.

Вокруг плакали и смеялись люди. Они ещё не знали, где оказались, кто живёт в этом Мире и что ждёт их дальше. Никто не обещал, что теперь всё будет легко. Но вода была чистой, воздух не пах страхом, а за деревьями не слышалось собак.

Алания посмотрела на тех, кого они вывели из Энкары, и почувствовала, как внутри ослабевает тугой узел. Это не было громкой победой. Скорее первым осторожным пониманием, которому ещё предстояло стать настоящим: они дошли.

Они перешли Границу.

Глава 4

*Там, где порядок служит жизни, границы становятся дверями.
Там, где порядок служит страху, границы превращаются в
клетки.*

— Сколько продовольствия осталось для северных поселений? — спросил Таймураз.

Он стоял у полукруглого стола, поверхность которого светилась изнутри мягким кристалльным светом. По ней скользили строки данных: запасы зерна, лекарственных трав и воды, открытые маршруты, погодные сдвиги, потребности поселений. Одного движения ладони хватало, чтобы цифры сменялись картой Люмирии, а карта распадалась на десятки тонких линий.

В зале не было ничего лишнего. Прозрачные панели вдоль стен показывали движение людей и состояние энергетических узлов, серебристый свет не оставлял тёмных углов, даже воздух казался собранным и точным. Таймураз любил порядок не за красоту. От решений, которые принимались здесь, зависело, переживут ли северные поселения зиму, не выйдут ли реки из берегов и успеют ли целители туда, где их ждут.

Люмирия откликалась на своих жителей. Если где-то долго копились страх и боль, слабели линии местности. Если люди жили во лжи, свет над их домами становился тусклее. Мир держался не на власти Создателя, а на равновесии, которое приходилось поддерживать каждый день.

Жители редко замечали эту работу. Для них зима просто приходила вовремя, дороги не исчезали под снежными разломами, реки не выходили из берегов без предупреждения. Дети рождались под защитой своих родов, взрослые раскрывали дары, не опасаясь, что способность сделает их изгоями. Люди называли это естественным порядком. Таймураз знал цену этой естественности. Иногда она означала сутки без сна, иногда спор с Советом, иногда решение, за которое никто не поблагодарит, потому что никто не узнает, какой беды удалось избежать.

— Запасов хватит на половину зимы, — ответил Алистар. Он стоял по другую сторону стола, высокий, собранный, с серебристыми волосами и внимательным взглядом человека, замечавшего то, что другие пропускали. — Восточные склады могут отдать часть зерна, пути пока открыты. Но у нас другая проблема.

Он замолчал всего на мгновение. Этого хватило, чтобы Таймураз поднял голову. Алистар не любил усиливать слова паузами. Если он останавливался посреди доклада, значит, увиденное не укладывалось в привычный ход событий.

Над столом развернулась карта. Север погас, вместо него появился восточный участок Границы. В одном месте серебристая линия дрожала и собиралась в напряжённую складку.

Таймураз заметил искажение сразу.

— Брешь?

— Сначала я принял её за сбой в спектре. Но разрыв становится яснее с каждой минутой.

— Алистар усилил изображение. Свет рвался в одном и том же месте, словно кто-то раздвигал ткань Мира с другой стороны. — Кто-то не просто нащупал Границу. Он её видит.

Таймураз провёл ладонью над картой. Искажение подалось навстречу его силе. В нём был ритм: неровный, сбивчивый, измученный, но живой.

— Когда началось?

— Несколько часов назад. Колебание усиливается. Я не уверен, что это обычный разрыв.

Таймураз выпрямился. Он слишком хорошо знал, чем заканчиваются повреждения Границы, если вовремя их не остановить. Через открытую линию могли пройти не только те, кто искал спасения. Люмирия принимала людей с чистым намерением, но даже открытой двери нужен был страж.

Когда-то он пытался сделать Мир полностью открытым. Тогда ему казалось, что свобода не нуждается в защите, а добрых намерений достаточно, чтобы удержать равновесие. Ошибка стоила Люмирии двух поселений и десятков жизней. С тех пор Таймураз не путал доверие с беспечностью.

— Я отправляюсь на восток. Будь готов закрыть сектор, если подам знак.

— Понял.

Таймураз направился к выходу, однако у прозрачной двери остановился. Где-то далеко, на самом краю Границы, бился чужой ритм. В нём не было жажды захвата или разрушения. Так дышали люди, которые слишком долго бежали и не имели права остановиться.

— Ты чувствуешь? — спросил он, не оборачиваясь.

Алистар всмотрелся в карту. — Пока только шум внешнего слоя.

— Это не шум. Это шаги. Они уже внутри.

Дверь растворилась перед Таймуразом, открывая светлый коридор Пространства.

К восточной Границе он переместился за одно движение между слоями реальности. Воздух раскрылся, пропустил его и сомкнулся за спиной слабым серебристым мерцанием. Для другого такой переход потребовал бы расчёта и сопровождения Провидца. Таймураз был связан с Люмирией иначе: Мир узнавал его раньше, чем он успевал отдать приказ.

Граница дрожала перед ним тонкой плёнкой света. По ней ещё бежали разряды недавнего прорыва. Ткань Мира хранила свежий след: прошёл не один человек.

На поляне стояли двенадцать измученных людей.

Грязная, порванная одежда, сбитое дыхание, кровь на руках и лицах. Дети жались к взрослым. Женщины закрывали их собой, мужчины сжимали палки и пустые кулаки, хотя сил на защиту почти не осталось. Они выглядели так, словно Граница выбросила их из себя последним усилием.

Один старик держался за плечо совсем молодого парня. Женщина с серебристыми волосами стояла босиком, одна ступня была обмотана грязной полосой ткани. Мальчик лет десяти не плакал, но его губы посинели, а пальцы продолжали судорожно перебирать край чужой куртки. Они были настолько истощены, что Таймураз не понимал, как им удалось дойти. И всё же никто не просил о помощи. Просьба, похоже, тоже считалась в их Мире опасностью.

Впереди стояла девушка с тёмными волосами. На лице страх и упрямство держались рядом, не уступая друг другу. Возле неё замер молодой мужчина, готовый броситься на любого, кто приблизится к ней или к остальным.

Таймураз раскрыл восприятие. В Полях беглецов смешались боль, недоверие, решимость и надежда, которую никто пока не смел назвать надеждой. Угрозы он не почувствовал. Только желание выжить.

По группе прошёл шёпот: — Всё. Мы попались. А если он нас убьёт?

Женщина прижала ребёнка к груди так сильно, что побелели костяшки пальцев. Один из мужчин шагнул вперёд и тут же остановился. Тело ещё пыталось защищать, разум уже понял, кто перед ними.

— Кто решился пересечь Границу чужого Мира, не зная, что ждёт по ту сторону? — спросил Таймураз.

Девушка напряглась и посмотрела на него как на новую опасность. Слишком быстро, слишком привычно. Так смотрели люди, которых власть ни разу не встретила добром.

«Он нас тоже казнит?»

Таймураз уловил не сами слова, а их холодный след.

— Вы понимаете, что вошли без разрешения? — продолжил он. — Границы существуют не для украшения.

Слова прозвучали жёстче, чем он собирался. На глазах люди перестали быть группой, случайно нарушившей закон, и превратились в тех, кого закон слишком часто использовал против них. Таймураз увидел это, но уже не мог забрать сказанное.

Несколько человек попятились. Кто-то опустил голову, кто-то зажмурился, будто уже ждал удара. Тогда девушка резко выпрямилась.

— Это я, — сказала она. — Они пошли за мной. Если кому-то отвечать, то мне.

Мужчина рядом хотел возразить, но она даже не повернулась к нему.

— Только обратно мы не уйдём. Если вы нас прогоните, покажите дорогу в другой Мир. Любой. Но туда мы не вернёмся.

Её смелость не была спокойной и красивой, как в старых хрониках. Она выросла из ужаса, боли и готовности укусить всякого, кто потянется к тем, кого девушка привела. Именно поэтому Таймураз поверил ей.

Страх и смелость сплелись в ней так тесно, что стали стойкостью.

Было в ней и что-то ещё. Тонкое, не похожее на обычный дар. Таймураз привык быстро различать чужие намерения, ложь и подавленные желания, но эта девушка не раскрывалась сразу. В ней всё двигалось, вспыхивало, спорило одно с другим.

И отвести взгляд оказалось труднее, чем следовало.

— Я не стану вас прогонять, — произнёс он. — Наказания тоже не будет.

Люди замерли. Они явно ждали приказа, цепей или казни, но не этих слов.

Мальчик с посиневшими губами сел прямо на землю. Женщина рядом попыталась поднять его, потом сама опустилась на колени и закрыла лицо ладонью. Она не плакала, только повторяла: «Не обратно». Остальные ещё стояли, словно разрешение не действовало, пока они не услышат его несколько раз.

— Сначала вы расскажете, зачем пришли и как нашли Границу параллельных Миров. Кто из вас видит наслоения реальности?

— Какие ещё наслоения? — Девушка нахмурилась. — Я увидела тонкую полосу света между деревьями. За ней было что-то другое. Мы вошли туда. Разве Миры не находятся рядом? Разве не каждый может увидеть переход?

«С ней будет непросто», — подумал Таймураз и неожиданно для себя добавил: «И тем интереснее».

— Кто ты? — спросил он. — Почему бежишь из своего Мира, если владеешь таким даром?

Девушка застыла. Затем повернулась к своим и коротко подмигнула, словно одним этим движением пыталась сказать: держитесь, не бойтесь, я разберусь.

Молодой мужчина шагнул ближе. — Алань, ты понимаешь, что произошло?

Теперь Таймураз знал её имя.

Алания посмотрела на спутника с раздражением, за которым сразу проступила тревога. Для остальных Граница была легендой. Она одна увидела дверь и повела людей туда, где все различали только туман.

Сэм понял это лишь сейчас. Он вспомнил, как Алания возвращала людей из видений, как заставила его смотреть не на собственное мёртвое тело под деревом, а ей в глаза. Как остановилась перед пустотой и уверенно сказала, что переход здесь. Он верил ей задолго до этого леса, но впервые почувствовал, насколько далеко может увести её дар и сумеет ли он идти рядом, когда её путь перестанет быть только побегом.

— Ты не видел свет? — спросила она.

— Нет. Но я поверил тебе.

Таймураз наблюдал за ними. Эти двое не были возлюбленными или родственниками, однако беда связала их крепче многих кровных. Они знали движения друг друга, замечали перемены в дыхании, вставали рядом раньше, чем второй успевал попросить.

Алания снова повернулась к Таймуразу. На её лице появилось знакомое вызывающее выражение, но взгляд задержался на нём дольше, чем требовал спор. Она рассматривала его тёмные волосы, серебристые пряди у висков и черты, которые, похоже, не укладывались в привычные ей представления.

В этот момент маленькая девочка ущипнула Аланию за ногу.

Та подскочила и резко обернулась, готовая выругаться, но, увидев ребёнка, сразу изменилась.

— Ты молчала, — тихо сказала девочка. — Я подумала, что ты опять ушла в лес.

Алания присела перед ней и коснулась растрёпанных волос. — Я здесь. Никуда не ушла.

Девочка не сразу поверила. Несколько секунд всматривалась в её лицо, потом обхватила за шею и прижалась всем телом. Алания покачнулась, но удержала ребёнка, прошептала что-то успокаивающее и только тогда поднялась. Резкость исчезла из её движений так быстро, будто её никогда и не было.

Таймураз поймал себя на том, что залюбовался. Чувства в ней не сменяли друг друга плавно. Они вспыхивали, сталкивались и проходили по лицу, как огонь по сухой траве: злость, нежность, страх, бунт, растерянность. Рядом с ней его собственная выстроенная тишина на мгновение дрогнула.

Недопустимо. Он вернул голосу прежнюю твёрдость. — Так почему вы бежите?

Алания поднялась. — Потому что нас преследуют. Если вернёмся, нас поймают и казнят. Этого недостаточно?

— Достаточно, чтобы дать вам убежище на эту ночь. Но мне нужно понимать, что произошло.

Он показал на опушку, где между светлыми деревьями лежала густая тёплая трава. — Там вы сможете сесть. Я уже сказал, что не выгоню вас, и повторю: это обещание.

Облегчение прошло по группе одним дыханием. Плечи опустились, кто-то закрыл глаза, женщина с ребёнком пошатнулась и удержалась только благодаря мужчине рядом.

Таймураз ощутил это доверие почти физически. Оно было слабым, хрупким, готовым исчезнуть от одного неверного движения. Ему вдруг стало важно не потерять его. Странное желание для человека, привыкшего принимать решения независимо от того, любят ли его за них.

Они двинулись за Таймуразом. Опушка казалась близкой, однако путь до неё растянулся. Возле Границы пространство Люмирии подстраивалось под взгляд: показывало направление, но не отменяло дороги.

— Почему она всё ещё не ближе? — первым спросил Сэм. Голос у него охрип от усталости. — До неё вроде рукой подать.

— Здесь расстояние показывает, куда идти, чтобы человек не потерял веру, — ответил Таймураз. — Но путь всё равно приходится проходить самому.

Сэм ничего не сказал, только посмотрел на него внимательнее.

Алания, шедшая впереди остальных, фыркнула: — У вас даже дорога разговаривает загадками?

— Только с теми, кто задаёт слишком много вопросов.

— Тогда нам придётся здесь задержаться.

Таймураз повернул голову. В её глазах впервые мелькнуло что-то похожее на улыбку и тут же исчезло. Он тоже ничего не ответил, но Алистар наверняка заметил бы, что напряжение в его Поле на мгновение ослабло.

Когда они дошли, люди почти падали. Кто-то сел под деревом, кто-то лёг прямо на траву, матери уложили детей и только после этого позволили себе опуститься рядом. Несколько человек плакали без звука, потому что их впервые не подгоняли и не заставляли немедленно подняться.

Алания осталась стоять. Её взгляд встретился со взглядом Таймураза и не отступил. Между ними не было вражды, но уже появился вызов. Осторожность. И интерес, от которого обоим становилось неуютно.

Сэм открыл рот, собираясь заговорить за неё, однако Таймураз остановил его жестом. — Пусть расскажет сама.

— Я уже рассказала. — Алания скрестила руки на груди. — Увидела светящуюся полосу. Всё вокруг плыло, а я знала, что там переход.

Таймураз повернулся к Сэму. — Ты видел дверь?

— Только лес и туман. Когда Алания сказала идти за ней, мы пошли.

— Значит, одна, — прошептал кто-то из беглецов. — Она одна видела.

По группе прошёл тревожный шорох. Люди смотрели на Аланию с благодарностью и испугом. Она начала понимать, что её дар сделал её единственным проводником. Если она ошибётся, за ней ошибутся все.

«Теперь всё зависит от меня». Мысль придавила сильнее усталости. Алания привыкла отвечать за собственные решения и за Сэма, который всё равно спорил с каждым её приказом. Но эти люди смотрели так, будто она уже знала дорогу дальше. Будто могла пообещать, что новая земля не окажется другой клеткой. Она не знала. Страх кольнул грудь, следом поднялось упрямство. Алания не могла дать им уверенность, которой у неё самой не было, зато могла не отойти первой.

Таймураз увидел, как тяжесть чужих ожиданий легла ей на плечи, и впервые смягчил голос.

— Сядьте. Я попробую объяснить.

Алания и Сэм опустились на траву напротив него. Даже сидя Таймураз не терял той собранной силы, из-за которой люди рядом невольно выпрямлялись.

— Думаю, Создатели вашего Мира...

— Распределители, — перебил Сэм. — У нас их называют так. Они задают параметры человеку при рождении.

Среди беглецов снова зашептались. Кто-то повторил знакомое слово, кто-то пробормотал, что Создателей в Энкаре нет, только Хозяева и Надзиратели.

— В Люмирии Создатель не раздаёт людям параметры, — сказал Таймураз. — Его задача беречь пространство, где каждый раскрывает собственный дар. Но пока оставим ваше слово. Кто-нибудь из вас видел Распределителей? Они говорили с вами, смотрели вам в глаза, отвечали за то, что якобы решили?

— Хозяева видят их за нас, — пробормотал мужчина с посохом. Уверенности в голосе не было. — Так было всегда.

— И вы верите Хозяевам?

Мужчина не ответил. Люди опустили головы, а Таша, державшая Мирона на руках, произнесла едва слышно: — Нам говорили, что их видят только Хозяева. Мы недостойны.

— Когда автор правил невидим для тех, кто по ним живёт, стоит спросить, кто на самом деле говорит от его имени, — произнёс Таймураз. — Если порядок заставляет людей бояться, стыдиться и терпеть боль, значит, он создан не ради них. Такой порядок отнимает силу. Настоящий порядок её возвращает.

На поляне стало тихо. Вдалеке журчала вода, тёплый ветер шевелил траву. Таймураз не пытался никого убедить, и оттого его слова ложились тяжелее.

Он посмотрел на Аланию. — Ты видишь Границы Миров. Там, где другие замечают только лес, ты различаешь швы реальности. Это твой дар, а не милость Распределителей.

Алания глубже вдохнула. Сэм придвинулся плечом ближе, без слов напоминая, что он рядом.

Слишком много произошло за один день: лес, волки, погоня, переход и новый Мир. Теперь оказалось, что Алания не просто вывела людей из Энкары. Она умела видеть двери, которых не существовало для остальных.

Это знание не обрадовало её. Дар означал не только возможность уйти. Он мог привести Стражников сюда, открыть путь тем, кто пойдёт следом, разрушить защиту чужого Мира. Алания посмотрела туда, где серебристая линия уже почти успокоилась, и впервые испугалась не того, что не сумеет открыть дверь, а того, что однажды откроет не ту.

В ней вспыхнула дерзкая мысль: если она увидела одну Границу, сможет ли найти другие?

— Этот дар не подчиняется любопытству, — сказал Таймураз, словно почувствовал направление её мысли. — Он раскрывается, когда у человека появляется твёрдое намерение. Мне нужно понять, что заставило тебя открыть проход.

Алания помолчала, затем произнесла: — Мы из Мира, где такие, как мы, считаются низшими.

Таймураз оглядел оборванных, измученных людей. У каждого было своё Поле, свой сложный узор, свой дар. — Вас считают низшими?

— Нас не считают людьми. Мы развлечение для Стандартных или бесплатная рабочая сила. — В голосе Алании появилась злость. — Меня держали в доме развлечений. Сэм пахал поля, чтобы лучшее доставалось Хозяевам, а нас кормили отбросами. Мы ели только после них.

Она показала на маленькую девочку. — Её заставляли часами улыбаться гостям. Если улыбка казалась недостаточно радостной, Смотрительница била её по голове. Вечером девочка плакала от боли, утром её снова выводили в зал.

Ребёнок спрятался за юбку Таши. На лице Таймураза дрогнуло что-то острое.

— Тот мальчишка стирал энергетические следы за гостями, — продолжила Алания, указывая на кудрявого ребёнка с голубыми глазами. — Работал с раннего утра до ночи, пока не начинал выть от боли в руках. А женщина с серебристыми волосами должна была слушать чужие разговоры, доносить на остальных и одновременно штопать одежду работников. Иногда о ней забывали, и она весь день сидела без еды.

— Хватит, — остановил её Таймураз.

Он больше не мог слушать это как обычный доклад. В Люмирии состояние людей влияло на саму ткань пространства. Мир, превращавший живых существ в расходный материал, должен был давно начать гнить изнутри.

Таймураз хотел немедленно дать этим людям еду, воду и комнаты, в которых никто не разбудит их ударом. Но один вопрос он не мог оставить.

— Ты сказала, что работала в доме развлечений. Почему я не чувствую, что ты позволяла Стандартным прикасаться к себе?

Алания вздрогнула. На мгновение в ней появилось желание отшутиться или уколоть его, лишь бы не показывать, насколько точно он попал.

Сэм посмотрел на неё. Похоже, даже он знал не всё.

— Я напускала иллюзии, — призналась Алания. — Когда кто-то пытался коснуться меня, я заставляла его уснуть. Потом оставляла в памяти картинку, от которой он просыпался довольным.

Таймураз слегка склонил голову. — Тебя раскрыли?

— Смотрительница заметила. На следующий день меня выпороли. Я сопротивлялась, но её псы держали меня. После этого я решила бежать. Никого не уговаривала. Остальные сами узнали и пошли с нами.

В её словах не было аккуратной героической истории. Боль, злость, стыд и отчаяние звучали одновременно. Она была одарённой, дерзкой и совершенно не понимала силы, которой владела.

Таймураз уловил в себе неожиданное волнение и сразу попытался вернуть его на привычное место. Перед ним стояла чужестранка, нарушившая Границу. Он должен был оценить её дар, выяснить риск и защитить Люмирию. Вместо этого думал о том, что она сопротивлялась, даже когда её держали несколько человек, и о том, сколько боли пришлось спрятать за колючими ответами.

«Неудивительно, что Границу увидела именно она», — подумал Таймураз.

Он поднялся. Люди тут же напряглись, и Таймуразу пришлось поднять ладонь, останавливая новый всплеск страха.

— На сегодня достаточно. Вы получите воду, еду, чистую одежду и место для сна. Никто вас не тронет.

Беглецы смотрели так, словно за этой милостью обязательно должен скрываться крючок. Алания тоже не расслабилась.

— Но ты останешься под моим наблюдением, — сказал Таймураз ей.

Сэм сразу встал. — Почему?

— Она открыла проход, не понимая, что делает. Это не вина. Но сила без знания опасна и для неё, и для тех, кто следует за ней.

Алания прищурилась. — Значит, всё-таки плен?

— Защита и обучение, если окажешься достаточно упрямой, чтобы слушать.

Сэм хмыкнул. — С упрямством проблем не будет.

Алания метнула в него взгляд, и он тут же сделал вид, что рассматривает траву. Таймураз не удержался от короткой улыбки. Она заметила её, и внутри у неё что-то дрогнуло, теперь уже не от страха.

Таймураз поднял руку. Над ладонью появилась серебристая линия и растворилась в воздухе.

— Алистар, подготовь приём для двенадцати пересечённых. Целители, тёплая еда и места для сна. Совет собери к утру. Граница пропустила не угрозу. Она пропустила выживших.

Ответ Провидца коснулся края сознания: — Всё будет готово. Ты понимаешь, что право убежища действует только до решения Совета?

Таймураз посмотрел на людей, которые всё ещё ждали, во что превратится их спасение. — Я могу открыть им двери Люмирии и защитить этой ночью. Решить, останутся ли они здесь навсегда, не могу даже я.

Эти слова предназначались не только Алистару. Алания услышала их и впервые немного ослабила плечи. В Энкаре решения всегда спускались сверху, а люди узнавали о них, когда становилось поздно спорить. Здесь самый сильный человек Мира признавал, что его власть имеет предел.

Алистар помолчал. — Хорошо. Я хотел услышать это сейчас, пока восточная Граница ещё дрожит, а ты уже смотришь на одну из пересечённых так, словно встретил не только угрозу.

Связь оборвалась. Таймураз нахмурился, но возвращать Алистара не стал.

Алания стояла на тёплой траве нового Мира и смотрела на мужчину, который мог быть опаснее любого Хозяина, но говорил о беглецах так, словно они не ошибка и не грязь на пороге чужого порядка.

Выжившие. Это слово коснулось глубже, чем она ожидала. Впервые за весь безумный путь Алания позволила себе подумать, что они не просто сбежали. Возможно, они действительно пришли туда, где смогут начать заново.

Глава 5

Свобода — не отсутствие границ, а право выбирать внутри них.

Дом — не награда. Это место, где твоё достоинство не нужно доказывать.

— Пойдёмте, я покажу вам дома, — сказал Таймураз и поднялся так спокойно, словно появление двенадцати беглецов не изменило привычный порядок его Мира. — Я не стану вас выгонять, как и обещал. До решения Совета вы останетесь гостями Границы и будете находиться под защитой Люмирии. Но здесь тоже есть правила.

На последнем слове Алания невольно напряглась. В Энкаре правила никогда не существовали сами по себе. За ними стояли чужая воля, наказание и необходимость проглотить собственный протест, чтобы не стало хуже. Одним правилами позволяли делать всё, другим запрещали смотреть слишком прямо, говорить без разрешения и занимать больше места, чем им отвели.

Таймураз заметил её реакцию, но не остановился и не потребовал объяснений.

— Наши законы запрещают отнимать чужую свободу, распоряжаться чужой жизнью и использовать силу во вред другому. Здесь не делят людей по внешности, происхождению или прежнему положению. Если кто-то из вас захочет обучиться ремеслу, его желание рассмотрят. Позже у каждого появится проводник, который покажет город, дома ремёсел и поможет понять, какие возможности есть в Люмирии. Решать за вас он не станет.

— А если Совет решит, что мы вам не подходим? — спросил мужчина с поседевшими висками. Он держался немного в стороне от остальных и всё время оглядывался, словно ожидал, что за мягкими словами Таймураза появятся вооружённые люди.

— Тогда Совет обязан объяснить причину и предложить безопасный путь, — ответил Таймураз. — До его решения никто не вправе обращаться с вами как с пленниками или нарушителями. От вас не потребуют немедленно выбирать ремесло, доказывать свою полезность или расплачиваться за помощь. Сначала вам нужно прийти в себя.

Люди переглянулись, но никто не обрадовался сразу. Такие слова были слишком непривычны для тех, кто ещё вчера доедал остатки после Хозяев и считал удачей день, закончившийся без побоев. Таша прижала Мирона к себе уже не с прежним ужасом, а от растерянности, потому что не знала, куда деть руки, если у неё не собираются отнимать ребёнка. Сэм смотрел на Таймураза внимательно и настороженно. Он ещё не верил, но Алания слишком хорошо его знала и видела, как сильно ему хочется поверить.

— Если предложенный дом вам не подойдёт, об этом можно сказать, — продолжил Таймураз. — Вам найдут другой. Дом в Люмирии не дают в награду за хорошее поведение и не отбирают после первой ошибки. Он нужен человеку, чтобы тот перестал выживать и смог услышать, куда хочет двигаться дальше.

Алания шла рядом и пыталась уложить услышанное внутри. Дом можно обсуждать. Ремесло выбирать. Желание человека здесь не называли наглостью, достоинство не выдавали за заслуги и не измеряли тем, насколько хорошо ты подходишь под установленный кем-то образец. Всё звучало правильно, и именно поэтому так сильно хотелось найти подвох.

— Но какие у вас тогда правила, если здесь столько всего разрешено? — спросила она.

Таймураз замедлил шаг, и остальные тоже невольно пошли медленнее.

— Разрешено многое, но не всё. Главное правило касается Границ. Нельзя переходить между Мирами без подготовки и открывать проходы по собственному желанию. Каждое пересечение оставляет след, а если открывать двери бездумно, Граница начинает истончаться. Не все Миры благожелательны к Люмирии, и по следу спасённого однажды может прийти тот, кто ищет не убежище.

Сэм перестал разглядывать улицу и нахмурился. Он тоже понял, что речь шла уже не о красивых законах нового Мира. Они действительно могли привести сюда опасность, хотя во время побега думали только о том, как спасти собственные жизни.

У Алании всё равно вспыхнуло знакомое сопротивление.

— Значит, теперь мы должны прожить здесь до конца жизни? Вы нас приняли, дали дома, а уйти уже не позволите?

Она слышала смысл его слов, но стоило появиться очередному запрету, как всё остальное отодвигалось. В Энкаре любую клетку умели назвать заботой, ошейник — порядком, а подчинение — необходимостью. Там тоже говорили об общей безопасности, когда заставляли одного человека исчезнуть ради спокойствия остальных.

— Ты слышишь запрет там, где я говорю об осторожности, — ответил Таймураз. — После Энкары это понятно. Но клетка удерживает человека ради чужой власти, а защита не позволяет разрушить то, что ещё может жить.

— Очень удобно объяснять это тому, кто сам распоряжается Границей.

— Согласен, — спокойно произнёс он.

Алания ожидала возражения и растерялась. Таймураз не стал доказывать, что она не имеет права сомневаться, и не потребовал благодарности за спасение. Он просто признал очевидное: сила действительно находилась в его руках.

— Поэтому безопасным переходам обучаются, — продолжил он. — Человек, способный чувствовать Границу, может научиться отличать дверь от разлома и понимать, когда переход не причинит вреда. Мы не лишаем жителей права уйти. Мы просим их сначала узнать, что именно они собираются открыть и кто сможет пройти следом.

Его голос оставался спокойным. В нём не чувствовалось желания подавить её возмущение или заставить немедленно согласиться. На грубость Алания умела отвечать, против приказа могла восстать, угрозу распознавала ещё до того, как человек повышал руку. С уважением к её несогласию она почти не встречалась, поэтому сейчас не понимала, как продолжать спор.

За разговором она не сразу заметила, что они вышли на широкую улицу. Под ногами мягко светилась каменная мостовая. Свет не бил в глаза и не выглядел украшением для богатых. Он жил внутри плит, согревал их и поднимался навстречу каждому шагу.

Алания почувствовала тепло даже сквозь грубую подошву и остановилась.

— Ты чего? — сразу спросил Сэм, заметив, что она отстала.

— Хочу проверить, действительно ли камни тёплые.

Он посмотрел на неё так, словно она собиралась потребовать объяснений у фонаря, но Алания уже присела, стянула один сапог и поставила босую ступню на сияющую плиту. Тепло вошло в уставшую ногу и поднялось выше мягкой волной. На несколько мгновений ей стало так непривычно хорошо, что она забыла о людях вокруг.

В Энкаре её уже окрикнули бы. Возможно, ударили или заставили вытереть место, к которому она посмела прикоснуться босой ногой. Здесь мимо прошла пожилая женщина в светлом плаще, посмотрела на Аланию и улыбнулась.

— После перехода многим хочется почувствовать землю, — сказала она. — Не торопись. Пусть тело поймёт, что оно уже не там.

Алания не нашлась с ответом и быстро обулась, словно её застали за чем-то слишком личным. Сэм тихо фыркнул, хотя в его взгляде не было насмешки. Он тоже слышал слова женщины и понимал, что предназначались они не только Алании.

— Теперь ты официально проверила новый Мир ногой, — сообщил он.

— Ещё слово, и я проверю тобой ближайшую стену.

Пожилая женщина рассмеялась и пошла дальше, а жители продолжили заниматься своими делами. Никто не остановился с брезгливым лицом, не сказал, что Алания ведёт себя

неподобающе, не потребовал объяснить, зачем она сняла сапог посреди улицы. От этой простой обыденности внутри у неё что-то дрогнуло.

Дома по обе стороны улицы были совершенно разными. Высокие светлые здания с витражными окнами стояли рядом с маленькими домами, утопающими в зелени. Где-то крыша уходила вверх плавной линией, где-то стены покрывали вьющиеся растения, на одних подоконниках стояли цветы, на других лежали книги или сушились связки трав. Ни один дом не пытался превзойти соседний размером и блеском.

— Сэм, ты только посмотри! Тут хоромы стоят рядом с домиками, в которых ты едва не достанешь головой до потолка. Как они вообще решают, кто здесь важнее?

Сэм вытянул шею, разглядывая маленький дом с круглой дверью и крошечным балконом.

— Я бы посмотрел, как наши Стандартные пытались бы здесь разобраться. У них бы глаза лопнули от напряжения, а потом они измерили бы все дома и назначили главного по высоте крыши.

Алания рассмеялась, и несколько человек рядом тоже улыбнулись. Смех получился коротким и неуверенным, но после долгого побега даже он звучал непривычно. Таймураз обернулся на них и едва заметно улыбнулся, однако ничего не сказал.

— Большие семьи обычно выбирают просторные дома, — объяснил он немного позже. — Те, кому нужны тишина, одиночество или отдельное место для занятий, предпочитают маленькие. Кто-то переезжает через год, кто-то остаётся в одном доме всю жизнь. Размер жилища ничего не говорит о достоинстве его хозяина.

В Энкаре дом был местом, которое человеку позволяли занимать, пока он приносил пользу. Здесь жилище звучало как продолжение самого человека. Если сейчас Алании нужен маленький дом, позже она сможет попросить другой. Если захочет учиться, ей покажут, где это возможно. Если ошибётся, её не выбросят за дверь только за то, что она не сразу нашла своё место.

— Да, примерно так, — произнёс Таймураз, и она резко подняла голову.

— Ты опять залез в мои мысли?

— Нет. Но твоё лицо задаёт вопросы громче, чем ты думаешь.

— Моё лицо ничего не задаёт.

— Конечно, — согласился он с таким выражением, что Сэм отвернулся, скрывая улыбку.

Алания собиралась возмутиться, но вдруг поняла, что всё это время спорит с человеком, имени которого до сих пор не знает. Он оставался для неё Главным, возможной угрозой и единственным, кто мог решить, разрешат ли им остаться в Люмирии.

— Простите, — произнесла она и тут же рассердилась на себя за неожиданно несмелый голос. — А как вас зовут?

— Таймураз.

Имя легло в память сразу. С ним мужчина, стоявший между беглецами и новым Миром, стал ближе и понятнее, но безопаснее от этого не сделался. Напротив, безымянной силы можно было бояться, не пытаясь её понять, а теперь Алании всё чаще хотелось разглядеть человека, скрытого за спокойствием Главного.

Они прошли ещё немного, и она снова остановилась.

Перед ней стоял невысокий дом с большими окнами почти от пола до потолка, тёмными деревянными переплётами и мягким светом внутри. Он не был самым просторным или нарядным на улице, но Алания сразу почувствовала, что дальше идти не хочет. За стёклами лежала полутьма, которая не пугала, а укрывала. В таком доме хотелось говорить тише, пить горячий чай, разбирать травы у окна и не прислушиваться к каждому шагу за дверью.

Внутри возникла картина, настолько ясная, что Алания перестала дышать. Она живёт здесь, оставляет на столе чашку, книги, камни и травы, не ждёт приказа собираться и не проверяет каждое утро, позволено ли ей остаться ещё на один день. Здесь можно было учиться пони-

мать собственный дар и однажды использовать иллюзии не только для спасения. Возможно, показывать человеку образ его силы так ясно, чтобы он сам начинал в неё верить.

— Кажется, этот дом твой, Алань, — тихо сказал Сэм. Он посмотрел на Таймураза, ожидая возражения, но тот не нахмурился и не напомнил, что окончательное решение ещё не принято. — Зайди. Если не понравится, выберешь другой.

Алания коснулась ручки, и дверь открылась сама, тихо и легко. Навстречу вышел тёплый воздух, пахнувший деревом, чистой тканью и запечёнными яблоками. Она переступила порог и ещё до того, как успела осмотреться, поняла: дом уже принял её.

Это узнавание пришло раньше мыслей, как тело узнаёт воду после долгой жажды. Грудь сжалась так сильно, что Алания остановилась возле двери. Никогда в жизни она не позволяла себе мечтать о собственном доме. Не об угле, койке или временном укрытии, где её терпят до следующего распоряжения, а о месте, куда можно войти без страха. Где никто не скажет, что она занимает слишком много пространства, слишком громко дышит или оставляет свои вещи там, где им не положено быть.

На стене возле окна медленно проступила тонкая полка. Рядом появился невысокий стол, за которым удобно было бы писать, перебирать травы или раскладывать камни. Дом менялся осторожно, прислушиваясь к её реакции и не заполняя пространство быстрее, чем она успевала привыкнуть.

— Он сам это делает? — прошептала Алания.

— Дома Люмирии откликаются на своих жителей, — ответил Таймураз, и только тогда она заметила, что его голос прозвучал снаружи.

Сэм уже вошёл следом за ней, а Таймураз остался за порогом, хотя этот дом был частью созданного им Мира. Он мог распоряжаться Границей, открывать проходы и решать судьбы людей, однако сейчас ждал перед простой деревянной дверью.

— Почему ты неходишь?

— Дом принял тебя. Теперь войти может только тот, кому ты позволишь.

Алания посмотрела на него недоверчиво.

— Даже ты?

— Особенно я. Я создал этот Мир, поэтому его законы касаются меня строже, чем остальных. Чем больше у человека силы, тем меньше у него права применять её без согласия другого.

Алания перевела взгляд на дверь. В Энкаре любая преграда оставалась лишь куском дерева, который сильный рано или поздно мог выбить. Эта дверь впервые казалась границей, вставшей на её сторону. Даже Таймураз не мог переступить её без приглашения.

— Входи, — сказала она после короткой паузы. — Раз уж привёл нас сюда.

Он вошёл только после этих слов. Алания отвернулась к окну, потому что слёзы стояли слишком близко, а показывать их Таймуразу не хотелось. При Сэме она ещё могла позволить себе слабость, но рядом с этим мужчиной всё внутри требовало держать спину прямо.

— Значит, если я научусь обращаться с Границей, то смогу перейти её сама? — спросила она, продолжая смотреть в окно.

— Если научишься отличать безопасную дверь от разлома и поймёшь, что именно оставляет переход после себя.

— Ты всегда отвечаешь так, что появляется ещё больше вопросов?

— Обычно их становится меньше. С тобой пока происходит иначе.

В его голосе мелькнула улыбка. Алания обернулась и несколько мгновений изучала лицо Таймураза, пытаясь понять, шутит он или снова говорит совершенно серьёзно.

— А если я захочу учиться?

Интерес в его взгляде стал заметнее.

— Сначала тебе нужно восстановиться. Потом мы узнаем, что именно ты видишь, когда смотришь на Границу. Если это не случайный отклик и твой дар действительно связан с переходами, ты получишь возможность учиться.

— Возможность или разрешение?

— Возможность. Разрешение ты уже дала себе сама, когда открыла проход.

Алания ничего не ответила. Впервые в жизни ограничения звучали не как клетка, а как стена вокруг сада, который кто-то пытается сохранить живым. Принять это сразу она ещё не могла, но и отвергнуть уже не получалось.

Таймуразу нужно было проследить за расселением остальных. Прежде чем он ушёл, Алания потребовала обещания, что каждый человек из их группы получит дом. Он ответил без раздражения, что никто не останется на улице и он лично за этим проследит. Алания ещё не знала, кем Таймураз являлся в полной мере, но почему-то поверила: если он дал слово, то выполнит.

Осматривать комнаты она пока не стала. Хотелось пройти по дому, коснуться стен, открыть каждое окно, лечь прямо на пол и не двигаться, пока тело не поймёт, что его больше никто не гонит. Одновременно с этим хотелось выйти наружу. Слишком большое счастье тоже могло напугать человека, всю жизнь дышавшего через щель.

— Давай найдём еду, пока я не начала разговаривать со стенами, — предложила она Сэму.

— Они хотя бы отвечают?

— Уже расставляют мебель. Ещё немного, и начнут давать советы.

Они вышли на улицу, и голод настиг сразу, как только страх немного отступил. Со времени побега они делили скудные куски, найденные в лесу, а теперь Алания чувствовала пустоту в животе при каждом запахе, доносившемся из открытых окон.

— Как думаешь, нашим уже нашли дома? С ними точно обошлись по-доброму?

Она знала, что Таймураз дал слово, но ответственность не отпускала. Эти люди пошли не за Люмирией и не за обещанными домами. Они поверили ей, шагнули следом в неизвестность и теперь зависели от решения тех, о ком ещё несколько часов назад даже не знали.

— Алань, ты видела этого Главного? — Сэм ухмыльнулся, пытаясь вернуть ей хоть немного привычного тепла. — Думаешь, он оставит кого-то без крыши? Мне кажется, в этом Мире даже слова «бездомный» не знают. Вот только нашего одноглазого бродягу никакими пряниками не заманишь в идеально вымытый дом. Даже если там мягкая кровать и три корзины еды.

Алания рассмеялась.

— Зачем ты это сказал? Я теперь вижу его в чистой рубашке, с подстриженными волосами и лицом пленного короля.

— А он требует вернуть любимую дырявую крышу, под которой характер воспитал.

Они засмеялись громче, чем позволяли себе с момента побега. Смех всё ещё был нервным, с усталостью на краях, но настоящим. Прохожие оборачивались без осуждения, кто-то улыбался, кто-то смотрел с любопытством, и отсутствие привычного окрика удивляло Аланию сильнее красоты города.

На дверях лавок звенели тонкие колокольчики, витражи бросали на мостовую цветные пятна, у входов стояли чаши с незнакомыми цветами. В одной витрине лежали пряники в форме слона, дома с сахарной крышей и дерева с маленькими плодами. В другой на полках стояли флаконы с крошечными огнями внутри. Возле третьей мастер чинил плащ, и ткань под его пальцами сама стягивалась, оставляя вместо разрыва тонкий узор.

— Вот бы сюда нашу матушку-повариху Агрию, — мечтательно произнёс Сэм. — Представляешь её лицо при виде этих пряников?

— Сначала сказала бы, что это непрактично, а потом спрятала бы слона в передник.

Сэм усмехнулся, но через несколько шагов его лицо стало серьёзнее.

— А если однажды мы сможем привести сюда остальных? Хотя бы тех, кто ещё способен уйти. Мир большой, не потеснились бы.

Алания остановилась и посмотрела на него. Они только что прорвались сюда без разрешения, едва не разрушили Границу, а Сэм уже думал о новом переходе. Она хотела назвать эту мысль безумной, но перед глазами сразу возникли люди, оставшиеся в Энкаре. Те, кто не решился, не успел или не поверил, что другой Мир существует.

— Ты уже собираешься спорить с Таймуразом?

— Пока нет.

— Я услышала это твоё «пока».

Сэм не ответил, но по его лицу было понятно, что вопрос ещё вернётся. Если Алания действительно способна видеть Границу, однажды мысль о новом переходе перестанет быть простой мечтой. Пока же перед ними стояла более понятная проблема: они нашли небольшое заведение, из окон которого лились тёплый свет и запах свежего хлеба, но понятия не имели, как здесь расплачиваются.

— У нас нет ни единого пятака, — напомнила Алания. — Может, они принимают камни, свет или обещания вести себя прилично?

— Если последнее, нас выгонят раньше, чем принесут еду.

Из-за двери пахло мясом, травами, горячим хлебом и чем-то сладким. Тело сразу напомнило Алании, что оно не только бежало, боялось и держалось из последних сил. Оно всё ещё хотело жить.

Дверь открылась раньше, чем они решили, стоит ли входить. На пороге появился невысокий мужчина с круглым добродушным лицом и такими живыми глазами, словно давно ждал именно их и теперь удивлялся, почему они продолжают мяться снаружи.

— Ну и чего стоите? Заходите! Впервые в нашем Мире и сразу решили умереть от голода у моего порога. Какая неблагодарность по отношению к повару.

— Мы просто... — начала Алания.

— Голодные, растерянные и без местных денег, — закончил мужчина. — Всё поправимо. Первое лечится едой, второе временем, а третье сегодня вообще не ваша забота. Таймураз велел ни в чём вам не отказывать, пока не обживётесь.

Алания всё же осталась у двери и спросила, кто за них заплатит. Мужчина перестал подгонять их, а его улыбка стала мягче.

— За простую еду, первое жильё, лечение и необходимую одежду здесь не требуют платы. Для этого существует общий запас города. Голодный человек сначала должен поесть, а уже потом разбираться, что он может дать Миру.

— Значит, хлеб у вас бесплатный? — недоверчиво спросил Сэм.

— Бесплатным бывает только то, чего никто не создавал. За хлеб уже заплатили поле, сборщики зерна, мельник, пекарь и общий запас. Просто мы не выставаем счёт тому, кто ещё не успел откусить первый кусок.

— А потом?

— Потом человек приходит в себя и сам решает, чем хочет быть полезен. Долг из булочки мы здесь не выращиваем.

Сэм тихо присвистнул и признался, что этот Мир нравится ему всё больше. Мужчина с достоинством заметил, что тот ещё даже не пробовал его еду, поэтому окончательное решение принимать рано.

— Меня Руан зовут. И я сразу предупреждаю: если человек смотрит на дверь так, словно она собирается его осудить, я считаю это тяжёлым случаем и кормлю вдвое сытнее.

Он пропустил их внутрь. Зал оказался тёплым и светлым, с деревянными столами, мягкими креслами и широкими окнами, украшенными пастельными витражами. На каждом столе

стояли маленькие плетёные корзины с фруктами, травами и орехами, а в одной из них лежал тонкий конверт.

— Садитесь возле окна, оттуда видно пруд и лебедей. Прекрасные птицы, не предают тех, кого выбрали, — сказал Руан и, поправляя корзинку, добавил, что слышал о Мирах, где предательство считается обычным делом. — Отвернуться, ударить в слабое место, когда тебе доверились... Неправильно это.

Алания и Сэм переглянулись с одинаковой грустной усмешкой. Совсем рядом существовал Мир, где предательство называли умом, выгодой и умением выживать. Руан заметил их взгляды, но расспрашивать не стал. Только махнул рукой, словно отгоняя тяжёлую мысль, предложил звать его, если названия блюд покажутся заклинаниями, и ушёл к кухне.

Несколько мгновений Алания и Сэм просто привыкали к тому, что их не прогоняют. Сидеть в мягком кресле возле чистого окна, не чувствуя на себе презрительных взглядов, уже казалось событием. Сэм достал из корзинки конверт, развернул вложенный лист и прочитал вслух: «Чувствуйте себя как дома. Вам рады, даже если где-то вас не принимали. Дом — это место, где человеку не приходится заслуживать право остаться».

На последних словах его голос дрогнул. Алания взяла записку и перечитала сама, сжав бумагу сильнее, чем требовалось. В Энкаре еду приходилось заслуживать, выпрашивать, красть или получать после того, как кто-то выше насытился. Хлеб никогда не был просто хлебом, а за каждым куском, крышей и глотком спокойствия стояла цена.

Здесь ей впервые говорили, что человек может получить дом и еду до того, как докажет свою полезность. Эта мысль не принесла мгновенного облегчения. Она ломала что-то старое, слишком глубоко вросшее в тело, и от этого становилось одновременно тепло и больно. Алания аккуратно сложила записку и положила рядом, как вещь, которую нельзя потерять.

Руан вернулся с меню, но, увидев их растерянность, сразу забрал лист из рук Сэма.

— После леса вам нельзя хватать всё подряд. Начнём с горячего хлеба, потом принесу утку с апельсиновым соусом, картофель в сливках и лёгкий салат. Возражения принимаются после первой тарелки.

Когда появилась еда, они несколько мгновений не решались начать. Сэм первым отломил хлеб, вдохнул запах, закрыл глаза и откусил с таким выражением, что Алания не выдержала и спросила, не собирается ли он жениться на булке. Он с набитым ртом пообещал обдумать предложение, после чего впервые за долгое время они ели без необходимости считать куски и следить, чтобы никто не подошёл сзади.

Утка оказалась нежной, апельсиновый соус оставлял на языке тёплый пряный вкус, а картофель, который в Энкаре считался грубой едой для бедных, здесь подали в сливках, с сыром и травами. В салате были перепелиные яйца, орехи и маленькие сочные помидоры. Алания замерла, увидев их, потому что раньше носила такие на подносах в ублажительном доме. Стандартные оставляли их недоеденными, даже не замечая, а ей ни разу не позволили попробовать.

Теперь эта еда стояла перед ней не как объедки и не как милость. Её приготовили специально для неё. Алания медленно положила один помидор в рот, почувствовала сладковатый сок и опустила глаза, не желая, чтобы Сэм увидел её лицо.

— Знаешь, Алань, я больше никогда не покину этот Мир, — произнёс он, откинувшись на спинку кресла с таким довольным видом, что стал похож на себя совсем юного.

Она улыбнулась, хотя подхватить его радость полностью не смогла. Всё происходило слишком легко: дом, еда, добрые слова, право выбирать. Алания привыкла жить в бою, а теперь ей предлагали спать, есть, учиться и решать, чего она хочет. Она просто не знала, как живут люди, которым не нужно каждую минуту защищаться, поэтому даже спокойствие заставляло искать опасность.

Чужой взгляд она почувствовала раньше, чем увидела его. Спина напряглась, дыхание стало тише, пальцы замерли возле тарелки. У входа стоял Таймураз. Он смотрел на неё внимательно, и от этого взгляда по телу прошёл жар, не имевший ничего общего со страхом.

— Вы правильно сделали, что решили осмотреться и поесть, — сказал он, подходя ближе. — Я закончил с расселением остальных и собирался вернуться к вашему дому.

Сэм сразу отложил хлеб и спросил, все ли устроены. Таймураз ответил, что Таша и Мирон выбрали дом рядом с садом, остальные тоже определились, а завтра к каждому придут проводники. Только после этого плечи Алании немного опустились.

Руан поймал взгляд Таймураза и расплылся в улыбке. Тот едва заметно подмигнул ему, коротко и по-свойски. Алания снова напряглась, теперь уже от растерянности. В Энкаре власть не шутила с теми, кто стоял ниже, не знала их имён и не смотрела так открыто, если только имя не требовалось для наказания.

— Руан, ты их накормил? — спросил Таймураз.

— Великодушный Главный, я не позволил вашим гостям погибнуть возле первой же булки.

— Значит, Люмирия снова спасена.

— Исключительно моими усилиями, — торжественно объявил Руан, заставив Сэма кашлянуть, чтобы скрыть улыбку.

Таймураз попросил записать еду в общий счёт восточной Границы, а затем положил на край стойки небольшой золотистый знак и добавил, что это вознаграждение за попытку выдать обычную утку за лечебное блюдо. Руан прижал ладонь к сердцу и сообщил, что утка исцеляет душу, а вторая порция лишь закрепляет результат. Алания наблюдала за ними и никак не могла привыкнуть к тому, что Главный целого Мира способен разговаривать с пекарем без высокомерия и даже позволять ему подшучивать над собой.

Таймураз заметил её взгляд и предложил вместе вернуться к дому.

— Ты задала достаточно вопросов, чтобы я понял: ночью появятся новые. Лучше дать им слова сейчас, чем позволить им разрастись в тишине.

Алания поднялась. Она хотела поблагодарить Руана за еду, записку и тепло, но Таймураз оказался рядом, и его присутствие сразу заполнило всё пространство возле неё. Пришлось сделать небольшое усилие, чтобы снова повернуться к хозяину заведения.

— Спасибо. За всё.

— Приходи ещё, Огонёк, — ответил Руан. — В следующий раз познакомлю тебя с пирогом, после которого даже самые упрямые люди начинают верить в добро.

— Это угроза?

— Обещание.

Алания улыбнулась и направилась к выходу, но у самой двери Таймураз остановился рядом. Он не преградил ей дорогу и даже не прикоснулся, однако его присутствие сразу стало слишком ощутимым. Алания чувствовала тепло его тела, видела золотой свет возле плеч и почему-то не могла сделать последний шаг наружу.

— Ты весь обед сидела так, словно в любой момент придётся защищать тарелку, — тихо произнёс он.

Она повернула голову и встретила с ним взглядом.

— Привычка.

— Здесь тебе не нужно сражаться за каждый кусок хлеба.

— Ты слишком уверен в своём Море.

— Я создавал его именно для этого.

В его голосе не прозвучало ни гордости, ни желания впечатлить её собственной силой. Таймураз говорил как человек, который много лет отвечал за каждое решение и действительно верил в порядок, установленный им для Люмирии. От этой уверенности Алания почувствовала

себя ещё более растерянной. Она привыкла, что сильный создаёт законы прежде всего для собственного удобства, а Таймураз создал Мир, в котором даже он не мог войти в чужой дом без разрешения.

Алания вышла на улицу быстрее, чем собиралась. Сердце билось слишком сильно, хотя никакой опасности рядом не было. Именно это тревожило больше всего. Она умела распознавать страх, злость, угрозу и желание напасть первой, но ещё не понимала, что делать с мужчиной, возле которого тело напрягалось по другой причине.

Сэм догнал её через несколько шагов и тихо рассмеялся.

— Алань, ты так выходишь, словно тебя не на прогулку позвали, а на казнь.

— Ещё слово, и казнь будет твоя.

Он поднял руки, показывая, что больше ничего не скажет, но улыбка осталась на его лице. Таймураз вышел следом и направился к их дому той же дорогой. Он не пытался догнать Аланию, не удерживал и не требовал идти рядом, оставив между ними ровно столько пространства, сколько она выбрала сама.

Вечерняя Люмирия окружала их мягким светом. От домов пахло травами, тёплым деревом и свежим хлебом, в садах шелестели листья, а нагретая мостовая продолжала отдавать земле накопленное за день тепло. Где-то впереди ждал дом, уже признавший Аланию своей хозяйкой. Она ещё не знала, как войти в него и позволить себе остаться, но впервые в жизни ей больше не нужно было искать место, где её согласятся терпеть хотя бы до утра.

Глава 6

Покой — это не тишина снаружи, а согласие внутри.

Простые мечты — это корни, на которых держится свобода.

Они вышли от Руана втроём. Вечерний город встретил их тёплым светом в окнах, запахом хлеба и шелестом деревьев, растущих вдоль улицы. Лавки постепенно закрывались, возле дверей вспыхивали тонкие световые линии, а на перекрёстке двое детей пытались поймать маленький сияющий шар, упрямо ускользавший из рук. Их смех разносился далеко и никого не заставлял оборачиваться с раздражением.

У соседней лавки женщина передала мастеру тонкий золотистый знак. Тот приложил его к пластине возле двери, на поверхности появились несколько строк и исчезли. Чуть дальше мальчик нёс корзину хлеба в дом восстановления. На карточке в его ладони светилась отметка общего запаса. Люди здесь работали, обменивались созданным, помогали городу, но право поесть, получить лечение и спать под крышей не зависело от того, успел ли человек доказать свою полезность.

Алания замечала всё это и всё равно не могла успокоиться. Внутри продолжали жить лес, погоня и холод Границы. К ним примешивались вкус апельсинового соуса, тепло нового дома и голос Таймураза, прозвучавший у двери заведения слишком близко. Она шла, глядя прямо перед собой, и злилась каждый раз, когда начинала слышать его шаги отчётливее городских звуков.

Сэм, наоборот, разглядывал улицу открыто. После еды его лицо немного ожило, движения стали свободнее, но взгляд всё ещё цеплялся за каждый незнакомый предмет. Он долго наблюдал за женщиной у лавки, потом повернулся к Таймуразу.

— В Люмирии всегда такие вечера?

— Какие? — спросил тот.

— Спокойные. У нас вечером либо шумят в тавернах, чтобы заглушить всё, что случилось за день, либо сидят тихо и ждут, когда Хозяева закончат развлекаться. Даже воздух к ночи становится осторожнее.

Таймураз посмотрел на освещённые окна, возле которых люди поливали цветы, разговаривали или просто сидели с чашками в руках.

— Здесь тоже бывают тяжёлые дни. Люди ссорятся, ошибаются, устают, иногда не знают, куда двигаться дальше. Спокойствие не означает, что ничего плохого не происходит. Оно появляется, когда человек знает: трудность не лишит его дома, достоинства и права быть услышанным.

Сэм задумчиво потёр подбородок.

— У нас такие слова назвали бы сказкой для наивных.

— Возможно, — согласился Таймураз. — Но сказка перестаёт быть сказкой, когда по её законам начинают жить.

Он ответил без обиды, и Сэм посмотрел на него внимательнее. Рядом с Таймуразом всё ещё хотелось следить за каждым словом, но постепенно становилось понятно: этот человек не ищет в чужой речи повода показать власть.

— Сколько тебе лет? — спросил Таймураз.

— Двадцать два.

— Значит, у тебя достаточно времени, чтобы привыкнуть к другой жизни.

— Легко сказать.

— Я и не говорю, что будет легко. Первое время ты станешь просыпаться раньше необходимого, искать работу, о которой тебя никто не просил, и чувствовать вину за каждый спо-

койный час. Потом однажды поймёшь, что весь день занимался тем, что выбрал сам, и никто не пришёл отнять у тебя еду или дом. Таких дней станет больше.

Сэм медленно выдохнул. Он давно не ходил по улице без поручения и цели, продиктованной необходимостью. В Энкаре каждый путь имел цену: успеть до закрытия ворот, принести приказанное, не попасться Стражникам, прикрыть Аланию или найти место для ночлега. Сейчас он просто шёл по вечернему городу, чувствовал сытость и не знал, что делать с руками, которые впервые никому ничего не были должны.

Алания слушала их разговор, но мысли всё время возвращались к Таймуразу. Она замечала, как меняется его голос, когда он говорит о Люмирии, как свет фонарей ложится на тёмные волосы и высвечивает серебро в глазах. Злилась на себя и искала любой вопрос, способный вернуть разговор к чему-нибудь безопасному.

— А дети у вас учатся? — спросила она. — Или дома сами объясняют им, кем нужно стать?

Таймураз повернул голову. Его взгляд задержался на ней, и Алания сразу пожалела, что не позволила Сэму продолжить разговор.

— Учатся, конечно. Сначала вместе, потом выбирают направления, к которым у них есть интерес или способность. Их знакомят с историей Миров, законами Поля, ремёслами, растениями, устройством Границ. Учат видеть последствия своих решений и отвечать за них.

— А если ребёнок не хочет заниматься тем, что выбрала семья?

— Тогда семья учится слышать ребёнка.

Сэм усмехнулся.

— У нас такого ребёнка сначала называли бы неблагодарным, потом ленивым, а после нашли бы работу потяжелее, чтобы дурь вышла.

Алания улыбнулась, но внутри болезненно отозвалась старая мысль. В другой жизни Сэм мог бы учиться работать с деревом, строить дома или создавать вещи, которые приносили бы ему радость. Она могла бы разбираться в собственном Даре, не пряча его до тех пор, пока от страха не начинали дрожать руки. Им обоим пришлось слишком рано стать полезными и слишком поздно разрешили задуматься, кем они хотели быть.

— Иногда ребёнок первым замечает, что семья живёт по правилу, которое давно никого не защищает, — сказал Таймураз. — Возраст не делает человека правым. Он только даёт больше времени разобраться в себе. Не все этим временем пользуются.

— Ты сейчас про кого-то конкретного? — спросила Алания.

— Про многих.

— Очень осторожный ответ.

— Я учусь у тебя.

Она повернулась к нему, готовая возмутиться, но заметила едва заметную улыбку и промолчала. Таймураз не высмеивал её. Он подхватил её интонацию так спокойно, словно между ними уже могла существовать собственная шутка. Это оказалось опаснее любого прямого заигрывания.

Они прошли мимо круглого фонтана, в центре которого росло дерево с серебристыми листьями. Вода поднималась из чаши тонкими светящимися струями, касалась ветвей и рассыпалась на них прозрачными каплями. Сэм остановился, протянул руку и убрал её, вспомнив, что пока не знает местных правил.

— Она вверх течёт?

— Ветвям нужна вода, — ответил Таймураз.

— Корням тоже.

— Корни получают своё снизу.

Сэм ещё немного посмотрел на фонтан.

— Здесь даже вода живёт лучше нас.

Алания рассмеялась. Таймураз оказался рядом, и его рука прошла возле её пальцев так близко, что кожу обдало теплом. Они не соприкоснулись, но Алания всё равно поспешно отошла к фонтану и сделала вид, что рассматривает серебристые листья.

В соседнем переулке послышались шаги. Навстречу шли женщина с большой корзиной фруктов и высокий юноша, прижимавший к груди несколько книг. Он что-то увлечённо объяснял своей спутнице, не смотрел под ноги и при виде Таймураза остановился так резко, что верхние книги соскользнули на мостовую.

Сэм наклонился первым. Он поднял толстый том в синем переплёте и задержал взгляд на узоре, где ветви соединялись с тонкими шестерёнками.

— Что это?

Юноша принял остальные книги, но синюю оставил в руках Сэма.

— Руководство по древесным механизмам. Я учусь у мастеров живого узора.

— Это как?

— Мы соединяем дерево с движением. Делаем ставни, которые сами закрываются перед дождём, лестницы, меняющие высоту, мебель, способную подстраиваться под человека. Главное — не заставлять материал принять чужую форму, а найти ту, которую он уже может удерживать.

Сэм провёл пальцем по узору.

— Дерево можно заставить держать любую форму, если правильно забить клин.

— Можно, — серьёзно согласился юноша. — Только потом оно треснет там, где ты не услышал напряжение.

В лице Сэма появилось выражение, которого Алания давно не видела. Настороженность отступила, уступив место открытому интересу. Он начал расспрашивать о соединениях, инструментах и том, как дерево может двигаться, сохраняя прочность. Юноша отвечал охотно, раскрыл книгу и показал чертёж механизма. Их разговор сразу наполнился словами, понятными только им двоим.

Алания смотрела на Сэма и чувствовала, как внутри становится теплее. Его руки всегда умели чинить. Он мог поставить на место перекошенную дверь, укрепить крышу, вырезать новую рукоять для ножа и заставить работать вещь, которую остальные давно выбросили бы. В Энкаре это умение приносило ему лишь новые обязанности. Здесь кто-то впервые говорил с ним как с человеком, способным стать мастером.

Женщина с корзиной наблюдала за ними с улыбкой.

— Добрый вечер, Алания и Сэм.

Оба сразу повернулись к ней. Сэм захлопнул книгу, а Алания почувствовала, как напряглась спина.

— Вы знаете наши имена? — спросила она.

— В городе уже знают о вашем переходе, — ответила женщина. — Такое случается редко. Люди беспокоились, когда услышали о разрыве, а потом узнали, что через него пришли беглецы. Теперь всем интересно, как вы устроились.

— И все просто обсуждают нас? — настороженно уточнила Алания.

— Конечно. У нас любят новости не меньше, чем в других Мирах. Но ваши имена знают не для того, чтобы следить или искать повод обвинить. Вы привели через лес детей и стариков. Люди рады, что вы дошли.

Юноша забрал книгу у Сэма и добавил:

— Если захочешь посмотреть мастерские, приходи в дом живого ремесла возле южного сада. Скажешь, что тебя пригласил Линар. Тебе всё покажут.

Сэм растерялся.

— Просто прийти?

— Для начала да. Никто не заставит сразу выбирать наставника или оставаться.

Женщина поправила корзину на руке и посмотрела на Аланию.

— Мою бабушку Люмирия тоже приняла после перехода. Первый месяц она спала с ножом под подушкой, хотя в её дом никто не входил без стука. Потом однажды проснулась и поняла, что забыла положить его рядом.

Алания невольно коснулась ножа под одеждой. Она уже представляла, как ночью станет проверять окна, прислушиваться к шагам и искать рукой рукоять. Дом мог закрыть дверь, Таймураз мог обещать защиту, но тело не умело верить словам. Оно помнило слишком многое.

— Сколько ей понадобилось времени? — спросила Алания.

— Чтобы убрать нож? Несколько недель. Чтобы перестать искать глазами выход из каждой комнаты — несколько лет. Она не торопила себя. Никто не торопил.

Впервые Алания подумала, что привычка ждать опасности может однажды ослабнуть. Не исчезнуть после красивого обещания и не подчиниться её решению, а понемногу перестать быть необходимой. Возможно, однажды она тоже проснётся и поймёт, что оставила нож возле двери, на кухне или в другой комнате. Не из-за беспечности. Просто он больше не понадобится ей во сне.

— Пусть Люмирия станет для вас добрым домом, — сказала женщина, а затем повернулась к Таймуразу. — Великодушный Создатель, возьмите фруктов. Первый урожай в этом году особенно сладкий.

Сэм замер. Алания тоже не сразу поняла, почему эти слова прозвучали иначе, чем всё, что Таймураз говорил раньше. Ещё возле её дома он сказал, что создал Люмирию. Она слышала, но приняла это за привычную речь человека, отвечающего за город, законы и Границу. Сейчас женщина назвала его Создателем так естественно, что прежние слова наконец обрели буквальный смысл.

Таймураз взял из корзины три груши. Одну оставил себе, две передал Алании и Сэму.

— Благодарю, Мира. Передай Дамиру, что я помню о западном саде. Завтра к вам придёт мастер воды.

— Он обрадуется. Хорошего вечера.

Мира и Линар попрощались и пошли дальше. Сэм остался стоять с грушей в одной руке и уже забытой книгой в другой. Потом спохватился, вернул книгу юноше и только после этого посмотрел на Таймураза.

— Ты действительно Создатель?

Таймураз выдержал его взгляд.

— Действительно.

— Не глава города? Не Хранитель, которого так называют из уважения?

— Я один из тех, кто создавал Люмирию. Сейчас я также её Хранитель.

Сэм открыл рот, но не произнёс ни слова. Алания крепче сжала грушу. Под золотистой кожей едва заметно двигался свет, и эта простая вещь внезапно сделала происходящее окончательно реальным. Рядом с ними шёл человек, чья сила удерживала целый Мир. Он спорил с Руаном об утке, раздавал груши и ждал разрешения войти в дом, который сам когда-то создал.

— Поэтому ты сказал, что создал этот Мир, — медленно произнесла Алания.

— Обычно эти слова именно это и означают.

— Можно было объяснить понятнее.

— Ты не спрашивала.

— Откуда мне было знать, что такое вообще нужно спрашивать?

В глазах Таймураза появилось мягкое веселье.

— Теперь знаешь.

Сэм переводил взгляд с одного на другого, всё ещё пытаясь уложить услышанное в голове.

— А почему ты позволил нам разговаривать с тобой так?

— Как?

— Я спорил. Алания вообще огрызается с того момента, как тебя увидела.

— Сэм!

— Что? Это правда.

Таймураз откусил грушу и спокойно ответил:

— Моё положение не делает ваши вопросы менее важными и не превращает несогласие в преступление. Можете обращаться ко мне на «ты». Так будет проще.

— Тебе, может, и проще, — пробормотал Сэм. — Я ещё утром думал, что нас выгонят обратно, а теперь ем грушу вместе с Создателем.

— Привыкнешь.

— Ты всем так говоришь?

— Только тем, кому понадобится время.

Алания рассматривала Таймураза уже иначе. Теперь становилось понятно, почему Мир отзывался на его движения, почему Защитники ждали его решения и почему рядом с ним Поле ощущалось таким огромным. В Энкаре человек с подобной властью потребовал бы поклонения. Таймураз не пытался казаться меньше, чем был, но и не использовал силу, чтобы занять больше пространства в чужой жизни.

Это не успокаивало. Чем меньше он походил на властителей, которых Алания умела ненавидеть, тем труднее было от него защищаться.

— Когда-то нас было двое, — продолжил Таймураз. — Мы создавали Люмирию вместе. Позже мой брат по духу выбрал другой путь и ушёл строить Мир с иными законами. Я остался здесь.

— Ты его отпустил? — спросила Алания.

Таймураз посмотрел на неё.

— Он не принадлежал мне. Я мог просить остаться, спорить, предлагать другое решение. Удерживать его силой я не имел права.

Ответ задел её сильнее, чем должен был. Алания отвела взгляд и провела большим пальцем по гладкой коже груши.

— А если его Мир стал опасным?

— Тогда ответственность за созданное лежит на нём. Свобода выбора не избавляет от последствий.

Они снова пошли. Сэм молчал дольше обычного, иногда поглядывал на Таймураза и сразу отворачивался. Потом откусил грушу и, видимо, решил, что потрясение не должно мешать еде.

У одного из домов дети развешивали на ветвях маленькие светящиеся шары. Один сорвался, покатился по мостовой и остановился возле Алании. Она машинально поймала его. Шар оказался тёплым и едва заметно дрожал в ладонях.

К ней подбежала девочка.

— Спасибо! Он ещё маленький и плохо слушается.

— Кто?

— Светляк-фонарик.

Алания протянула ей шар. Тот вспыхнул ярче, едва оказался в детских руках.

— Его нужно приручать?

— Нет. Нужно, чтобы он сам тебя выбрал. Если приручать, погаснет.

Девочка убежала к остальным, а Алания ещё несколько мгновений смотрела ей вслед. Даже детская игрушка в этом Мире отзывалась только добровольно. Здесь словно всё повторяло один и тот же закон, пока человек не начинал слышать его без объяснений.

Когда они свернули на более тихую улицу, Таймураз спросил Сэма:

— Чем бы ты хотел заниматься?

Тот пожал плечами, но лицо сразу выдало интерес.

— Всегда любил работать руками. Строить, чинить, вырезать из дерева. В Энкаре этим занимались по приказу. Сделал хорошо — получил следующую работу. Сделал плохо — получил плетё. Я иногда пытался придумать что-то своё, но на это не оставалось ни сил, ни материала.

— А здесь?

Сэм задумался.

— Хотел бы попробовать делать вещи, которыми люди действительно пользуются. Мебель, двери, механизмы вроде тех, о которых говорил Линар. Может, чинить дома. Только сначала нужно понять, что я вообще умею, если меня никто не гонит.

— Это выяснится, когда начнёшь работать ради результата, который важен тебе самому.

Сэм кивнул, а потом усмехнулся, смутившись собственной серьёзности.

— Дом я тоже хочу простой. Крепкий, с большим крыльцом и мастерской. Чтобы вечером можно было сидеть снаружи и слушать тишину. Может, поставить кресло-качалку. Только такое, которое не развалится после первой зимы.

— Ты сам его сделаешь, — сказала Алания.

— Конечно. Иначе какой смысл?

— А мне разрешишь сидеть?

— Если не будешь указывать, как правильно качаться.

— Тогда поставь два кресла.

Сэм посмотрел на неё с теплом.

— Поставлю.

— И жить мы должны рядом. Не в одном доме, — поспешно уточнила Алания, заметив выражение его лица. — Но так, чтобы я могла дойти до тебя быстрее, чем ты успеешь натворить глупостей.

— Получается, соседний дом уже занят тобой.

— Через два или три тоже подойдёт.

Таймураз слушал их и чувствовал незнакомый неприятный укол. Связь между Аланией и Сэмом не была похожа на влюблённость, но оставалась глубже многих союзов, которые ему приходилось видеть. Они знали друг друга в голоде, страхе и постоянной опасности. Умели спорить, не сомневаясь, что в следующую минуту всё равно встанут плечом к плечу.

Он не имел права ревновать к этой близости. Ещё меньше ему хотелось разрушить её. Если человек приходит из Мира, где у него отняли почти всё, нельзя требовать, чтобы ради новой жизни он отказался и от того немногого, что помогло ему выжить.

Они приблизились к улице, на которой стоял дом Алании. Сэм замедлил шаг и посмотрел на невысокое здание в стороне от дороги. Дом был сложен из тёплого камня и тёмного дерева. Широкое крыльцо тянулось вдоль стены, окна закрывали крепкие ставни, а сбоку виднелась отдельная дверь, за которой могло находиться просторное рабочее помещение.

— Вот он, — произнёс Сэм.

В его голосе не было вопроса. Он уже узнал дом.

Сэм поднялся на крыльцо и положил ладонь на дверь. Та открылась с низким тёплым звуком. Внутри один за другим зажглись огни, осветив большую комнату с камином, тяжёлым столом и широкой лестницей. Справа находилась мастерская. Там уже стоял крепкий верстак, на стенах проступали пустые держатели для инструментов, а под окнами появились длинные полки.

Сэм не двигался. Дом продолжал прислушиваться к нему: возле камина возникло место для кресла, дверь в мастерскую стала шире, а одно из окон опустилось ниже, чтобы свет падал прямо на рабочую поверхность.

— Он понял, — тихо произнёс Сэм.

— Он услышал, что тебе нужно, — ответил Таймураз. — Остальное будет меняться вместе с тобой.

Алания вошла следом и остановилась возле мастерской. Верстак был простым, без украшений, с плотной гладкой поверхностью и тяжёлыми ножками. Именно такой Сэм выбрал бы сам. Она провела рукой по краю и почувствовала знакомую шероховатость дерева.

Сэм всё ещё стоял у двери, пытаясь справиться с радостью, к которой оказался не готов. Он всегда знал, что делать во время опасности. Мог шутить, пока остальные плакали, поднимать людей после падения и находить выход там, где его не видели другие. Сейчас никто не нуждался в его спасении, и он растерянно смотрел на собственный дом, не понимая, куда деть руки.

— Алань, — позвал он наконец. — Три дома. Всего три.

Она выглянула в окно. За деревьями действительно виднелась крыша её дома.

— Я же говорила, что далеко тебя не отпущу.

— А я думал, ты шутишь.

— Зря.

Сэм рассмеялся, и Алания впервые за вечер улыбнулась без тревоги. Они не потерялись в огромном чужом Мире. У каждого теперь была собственная дверь, но между этими дверями оставалось всего несколько минут пути.

Таймураз протянул Сэму руку.

— Поздравляю с домом.

Сэм посмотрел на его ладонь, потом крепко пожал её.

— Спасибо.

— Благодарю себя. Дом откликнулся на твоё желание.

— Ты тоже сейчас начнёшь говорить, что ни при чём?

— Я привёл тебя на эту улицу. Выбрал дом ты.

Таймураз слегка притянул его к себе и коснулся плечом. В жесте не было торжественности или власти, только спокойное принятие человека, который теперь имел право остаться. Сэм сначала застыл, затем неловко обнял его в ответ.

Алания отвернулась к окну. Ей не хотелось, чтобы Сэм заметил блеск в её глазах. Иногда чужой дом радовал сильнее собственного, если принадлежал тому, без кого ты не смогла бы идти.

Они простились не сразу. Сэм ещё раз прошёл по мастерской, открыл несколько ящичков, проверил устойчивость верстака и выглянул на крыльцо, оценивая место для будущих кресел. Наконец Алания вытолкнула его обратно в дом, велела закрыть дверь и хотя бы одну ночь ничего не перестраивать.

— Утром приду проверять, — предупредила она.

— Я сам приду раньше.

— Не вздумай будить меня на рассвете.

— Тогда после рассвета.

Дверь закрылась, но Сэм ещё долго стоял за окном, осматривая комнату. Его силуэт двигался в тёплом свете, и только когда он исчез в мастерской, Алания позволила себе уйти.

До её дома они с Таймуразом пошли вдвоём.

Без Сэма улица сразу стала тише. Алания слышала собственное дыхание, шорох одежды и шаги Таймураза рядом. Пространство между ними изменилось, хотя никто не приблизился. Теперь некому было задать случайный вопрос, пошутить или остановиться возле очередного чуда. Оставалось лишь несколько домов, вечерний свет и напряжение, которое оба слишком долго делали вид, что не замечают.

— Спасибо за Сэма, — произнесла Алания.

— За что именно?

— За дом. За мастерскую. За то, как ты с ним разговаривал.

— Я не сделал ничего необычного.

— Для тебя, возможно.

Таймураз посмотрел на неё.

— Дом выбрал Сэм. Мастерская появилась из его желания. А разговаривал я с человеком, который привёл через лес детей и стариков, хотя сам едва держался на ногах. Как ещё мне следовало с ним говорить?

Алания пожала плечами.

— В Энкаре его считали работником. Хорошим, крепким, полезным. Никому не было интересно, чего он хочет.

— Здесь придётся привыкнуть, что его желания имеют значение.

— Ему или мне?

— Обоим.

Она усмехнулась, скрывая, насколько точно он услышал вопрос.

— Ты всегда отвечаешь так, что невозможно понять, согласишься ты или соглашаешься?

— С тобой это часто одно и то же.

Алания повернулась к нему. Таймураз улыбнулся, и её сердце сбилось с ритма. Она тут же посмотрела вперёд, разозлившись на тело за предательство. После леса, Границы, голода и страха её не должен был волновать мужчина, которого она знала всего несколько часов. Тем более мужчина, способный одним движением изменить пространство вокруг них.

Когда показался её дом, Алания ускорила шаг. В окнах уже горел свет, хотя она не помнила, чтобы оставляла его. Дверь ждала её, тёмное дерево казалось тёплым даже снаружи, а на подоконнике появилась небольшая лампа.

Она остановилась у крыльца и повернулась к Таймуразу.

Он стоял слишком близко. Не настолько, чтобы это можно было назвать вторжением, но достаточно, чтобы Алания чувствовала исходящее от него тепло. Серебро в глазах стало глубже в вечерней темноте. Таймураз смотрел на неё открыто и спокойно, однако за этим спокойствием впервые ощущалось усилие.

— Ты весь вечер напряжена, — сказал он.

— У меня был долгий день.

— Это не единственная причина.

— Ты опять решил, что понимаешь меня лучше, чем я сама?

— Нет. Я вижу, что ты не знаешь, отойти тебе или остаться.

Алания вскинула подбородок.

— Может, я просто стою возле собственного дома.

— Может быть.

Она уже собиралась попрощаться, но не произнесла ни слова. Таймураз тоже оставался на месте. Его присутствие не давило, не требовало и не заполняло собой всё пространство. Именно поэтому отступить становилось труднее. Рядом с ним не приходилось защищаться привычным способом, а другого Алания пока не знала.

— Тебе страшно? — спросил он.

— Тебя?

— Того, что происходит рядом со мной.

Вопрос попал слишком точно. Алания чувствовала опасность, но она не была похожа на страх перед Хозяевами или Стражниками. Таймураз не собирался хватать её, запираť дверь или требовать благодарности. Опасность жила в собственном желании приблизиться. Рядом с ним хотелось хотя бы на несколько мгновений опустить щит, а Алания слишком хорошо знала, чем заканчивается беспечность.

— Я ещё не решила, — ответила она.

— Тогда не торопись.

Он произнёс это без разочарования. Не сделал шага вперёд и не попытался превратить её растерянность в согласие. Просто оставил решение там, где оно должно было находиться.

Алания положила руку на дверную ручку, но не открыла.

— Ты всегда так легко отпускаешь людей?

Взгляд Таймураза изменился. На мгновение в нём появилась усталость, слишком глубокая для этого вечера.

— Нет. Иногда это требует всей силы, которая у меня есть.

Она не успела спросить, что он имеет в виду. Таймураз отступил на один шаг, возвращая ей пространство.

— Спокойной ночи, Алания.

Его голос прозвучал ниже обычного. Алания вдохнула и почувствовала запах тёплой земли, трав и едва уловимый аромат, исходивший от его одежды. Ей хотелось задержать его ещё одним вопросом. Хотелось закрыть дверь и прекратить это странное, слишком быстро возникшее напряжение. Оба желания оказались одинаково сильными.

— Спокойной ночи, Таймураз, — наконец ответила она.

Дом открыл дверь прежде, чем Алания успела повернуть ручку. Она вошла и остановилась на пороге. Таймураз всё ещё стоял у крыльца, но не смотрел внутрь, пока она сама не обернулась.

Их взгляды встретились ещё раз.

Потом Алания закрыла дверь.

Внутри было тихо. Дом встретил её запахом дерева и запечённых яблок, зажёл несколько ламп и приглушил остальные. На стене уже появилась полка, которую она заметила днём, возле окна стоял стол, а рядом лежала сложенная тёплая ткань. Всё принадлежало ей. Никто не войдёт без разрешения, не потребует освободить комнату и не скажет, что спокойствие нужно заслужить.

Алания прислонилась спиной к двери и закрыла глаза. Сердце всё ещё билось слишком быстро. Она чувствовала Таймураза по другую сторону, хотя не слышала его шагов.

Снаружи он несколько мгновений смотрел на тёплый свет в окнах, потом медленно пошёл прочь. Таймураз знал, что должен думать о нарушенной Границе, Совете и людях, которых Люмирия приняла сегодня. Вместо этого перед глазами оставалось лицо Алании у двери: упрямо поднятый подбородок, дрогнувшие губы и взгляд женщины, привыкшей встречать любое чувство как новую угрозу.

Он мог защитить целый Мир от врага, пришедшего снаружи. Мог закрыть проход, поднять Защитников и заставить пространство подчиниться его воле.

Но сейчас опасность пришла без оружия.

Она появилась в тот момент, когда чужой выбор стал для него важнее собственного покоя.

Глава 7

Порядок — это не камень без трещин, а мост, который выдерживает реку.

Если чувство — это буря, то пусть сила станет берегом.

Таймураз ещё несколько минут стоял возле дома Алании, хотя уже пожелал ей спокойной ночи и не имел ни одной разумной причины оставаться. Он чувствовал внешний контур здания, ровное тепло стен, спокойное движение защитных линий, но всё происходящее за порогом было закрыто от него. Дом принял хозяйку и встал между её внутренним пространством и остальным Миром, включая собственного Создателя.

Таков был закон порога. Таймураз вплёл его в первые дома Люмирии после того, как понял: безопасность, зависящая лишь от порядочности сильного, остаётся слишком хрупкой. Настоящая граница должна уметь остановить даже того, кто её создал. Он мог коснуться защиты силой, заставить стены открыть происходящее внутри, но дом начал бы сопротивляться, поднял тревогу Совета и навсегда сохранил след вмешательства в собственной памяти. Одна мысль об этом вызывала отвращение.

Право на покой было законом Люмирии, и Хранитель обязан соблюдать его первым.

Таймураз отошёл от крыльца и направился к залу Совета. Ночная Люмирия обычно помогала ему восстановить внутреннюю ясность. В тишине становилось слышно ровное течение жизни: закрывались двери, стихали мастерские, загорались защитные знаки над садами, дома принимали уставших жителей. Сегодня знакомый ритм не успокаивал. Перед глазами оставалась Алания у порога: упрямо поднятый подбородок, сбившееся дыхание, тёмные глаза, в которых желание отступить спорило с решением остаться.

Он видел немало красивых женщин. Встречал правительниц, Хранительниц, Проводниц и Создательниц других Миров. Некоторые пытались очаровать его, другие предлагали союзы, способные изменить устройство целых пространств. Таймураз принимал или отвергал их предложения с той же ясностью, с которой открывал Границы и утверждал законы.

Ни одна из них не заставляла его несколько минут стоять возле закрытой двери.

В зале Совета было пусто. По высоким стенам проходили золотистые линии, на длинном столе мерцала карта Люмирии. Восточная Граница всё ещё хранила след недавнего перехода. Разрыв затянулся, защитная сеть восстановилась, но в Поле оставалось напряжение, похожее на чувствительность недавно зажившей раны. Таймураз проверил каждый участок, укрепил две ослабленные линии и только после этого позволил себе сесть.

Усталость пришла неожиданно. Он опустился в кресло не как Хранитель, завершивший проверку, а как человек, которому вдруг стало тяжело стоять. Это раздражало сильнее самого чувства. Для Создателя ясность была необходимостью. Слишком сильная привязанность к одному человеку могла изменить решение, которое касалось тысяч. До сегодняшнего дня Таймураз был уверен, что умеет удерживать границу между личным желанием и ответственностью.

Потом в Люмирию вошла девушка из чужого Мира, посмотрела на него так, словно готова спорить даже с законами созданного им пространства, и прежний порядок сдвинулся.

Его долг оставался понятен. Нужно укрепить восточный участок, помочь переселенцам освоиться, исследовать природу дара Алании и не позволить её силе навредить ей самой. Совет потребует объяснений, Защитники захотят знать, как неподготовленная девушка сумела увидеть проход, а Провидцы станут искать похожие случаи в памяти Миров. Работы было достаточно, чтобы занять несколько ближайших дней.

Однако за каждым вопросом возникала сама Алания. Не её дар, не открытая ею Граница и даже не опасность, которую она могла привести за собой. Таймураз вспоминал её смех возле фонтана, пальцы, сжавшие подаренную грушу, и взгляд, которым она провожала Сэма в новый дом. Перед ним снова появлялась женщина, способная за несколько мгновений перейти от

восторга к подозрению, от ранимости к злости, а затем с неожиданной серьёзностью потребовать гарантий для остальных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.